София Куликова

СВЯТАЯ ГРЕШНИЦА

ВОЗРОЖДЕНИЕ

София Куликова

Святая грешница. Возрождение

«Автор»
2025

Куликова С.

Святая грешница. Возрождение / С. Куликова — «Автор», 2025

Каково это, быть во власти безжалостного деспота? Может ли любовь родиться из боли и унижения? Как подняться с колен, когда твой мир — преисподняя?События в романе переносят нас из «тёмных» Средних Веков на севере Франции, истерзанной Столетней войной, во Флоренцию, переживающую невиданный расцвет Возрождения. В судьбе главной героини сошлись две эпохи, как на рассвете ещё сплавлены воедино ночь и день. Роман рассчитан на широкий круг читателей, которых ждут неожиданные повороты сюжета и яркие эмоции. Ценителей любовного романа не оставит равнодушными история жизни героини, которой предстоит пройти через страдания и потери, воспарить на крыльях любви и низвергнуться в ад человеческой жестокости.Любители истории погрузятся в атмосферу полного противоречий времени на стыке эпох, встретятся с величайшими творцами Раннего Возрождения: Донателло и Мазаччо. Того, кого волнуют внутренний мир человека, «вечные вопросы» о смысле бытия и отношениях с Богом, получит почву для размышлений…

© Куликова С., 2025
© Автор, 2025

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 5
КНИГА 1. АНРИЕТТА 7
ПРОЛОГ 8
Глава 1. Унижение 10
Глава 2. Долг 21
Глава 3. Жизнь вслепую 39
Конец ознакомительного фрагмента. 49

София Куликова
Святая грешница. Возрождение

ПРЕДИСЛОВИЕ

(Для читателей, не любящих забегать вперёд, может служить послесловием)

Мы живём в сложное, противоречивое время: смена государств, культур, эпох. Как понять, кто ты, где твоё место, если всё привычное рушится, а новое ещё сокрыто в тумане?..

Подобное человечество переживало не раз. Кризисы бывали локальные и глобальные. Но иногда наступает такой перелом, после которого жизнь людей, народов, стран меняется качественно и навсегда!

Таким переломом для Европы и для остального мира стала короткая, но блистательная эпоха, которую её деятели назвали «Ренашименто» [итал.], по-французски — Ренессанс. Мы зовём её Возрождением.

В своём стремлении возродить высокие античные идеалы, которые деятели Возрождения считали вершиной человеческой культуры, они идеализировали Античность и потому окрестили тысячу лет, отделявших их от греко-римской эпохи, «тёмными» или «Средними Веками» — как символ провала, культурного безвременья.

События, описываемые в романе, укладываются в рамки одной человеческой жизни. В этой крошечной точке на оси Бытия, сошлись два разных мира, две эпохи — Средневековье и Возрождение — так на рассвете ещё сплавлены воедино ночь и день.

Франция. Рубеж XIV-XV веков. Ещё недавно самое могучее государство Европы изнывает под бременем Столетней войны 1337-1453 с вечной своей соперницей Англией. Всевластие и мракобесие Церкви, распоясавшаяся от бесконтрольности знать, разорённые города и сёла, костры инквизиции, чума, пирующая на руинах былого могущества — вот атмосфера, в которой родилась и живёт главная героиня романа.

Она — собирательный образ, плоть от плоти «тёмных времён», в чьей судьбе, как в зеркале, отразилось её трагическое время. Ей суждено любить и ненавидеть, обретать и терять, умирать и находить силы, чтобы жить…

А в это время на юге Европы рождается итальянское чудо. Гордая вольнолюбивая Флоренция взрастила целую плеяду активных творческих и предприимчивых людей — учёных и философов, художников и поэтов, меценатов и путешественников, бросивших вызов средневековым устоям и церкви, утверждавшей, что Творцом может быть только Бог, а рабская покорность — единственный для смертного путь к бессмертию души. Их было немного, но эта горстка смельчаков сумела за короткий, в масштабах истории, срок до неузнаваемости изменить и лицо своих городов, и самого человека — раскрепостить его душу и разум, всей своей жизнью утверждая безграничность творческих способностей и возможностей человека.

В романе обрели новую жизнь реальные исторические персонажи — творцы Раннего Возрождения, достигшие бессмертия в своих творениях. В дошедших до нас жизнеописаниях основное внимание уделено именно их творчеству, но мало что известно об их личной жизни. Поэтому автор взяла на себя смелость предельно деликатно дофантазировать то, о чём умалчивают хроники, не исказив при этом исторические факты.

Давайте, глубокоуважаемый читатель, вместе заглянем в те далёкие и в чём-то близкие нам по духу времена. И, может быть, что-то поймём о себе сегодняшних…

Ваша София Куликова

КНИГА 1. АНРИЕТТА

ПРОЛОГ

Во мраке ночи все люди слепы,
и ночью даже птицы не поют…

Громоздкий деревянный ящик с впряжённой в него парой крепких коренастых лошадок, скрипя и постанывая, натужно преодолевал вырастающие на пути ухабы. Недавние затяжные дожди поначалу размыли дорогу. Потом не по-осеннему дерзкое солнце подсушило бурое чавкающее месиво, перепаханное колёсами повозок. И теперь оно превратилось в некое уродливое подобие морского пейзажа с карикатурно застывшими волнами и бурунами.

Для тех, кто находился внутри, неуклюжая трясущаяся колымага, гордо именуемая каретой, на такой дороге стала настоящим орудием пытки.

Жалобно застонав, экипаж качнулся на очередной колдобине.

Деревянная ставня, прикрывавшая прямоугольное оконце на боковой стенке, приподнялась. В проёме показалось хорошенькое совсем юное личико, обрамлённое поникшими складками полотняного чепца-барбетты.

Убедившись, что простиравшийся за окном однообразный ландшафт и не думает меняться, молоденькая путешественница устало вздохнула: «Господи, когда-нибудь кончится это мучение?!»

Ей было очень неуютно в напряжённой неловкой позе. Тряска ни на миг не давала забыть о жёсткости сиденья. К тому же, её спутник, развалившись, сгрёб под себя все подушки. Без малого три часа, пока спотыкающиеся лошади тащили карету по направлению к поместью, казались бесконечными.

Она ещё раз, без особого, правда, интереса, оглядела знакомые до мелочей окрестности: пожухлая стерня, чахлый кустарник да редкие купы деревьев с побуревшей листвой. Вот и всё, за что мог зацепиться взгляд. И только жалкие, на пять-шесть дворов, деревеньки изредка нарушали царящую за окном унылую монотонность.

Они уже почти достигли владений барона. Ещё полчаса пути, и покажутся обглоданные пожаром развалины старого замка. А там и до усадьбы рукой подать.

Из бокового окна не было видно слуг, сопровождавших господский экипаж. Те плелись где-то позади, гуськом растянувшись на дороге. Им, не знавшим иного средства передвижения, кроме пары натруженных ног, обутых в грубые деревянные сабо, не привыкать было к большим расстояниям. Однако уставшие за день люди, наверняка, не меньше хозяйки мечтали поскорей оказаться дома. Только доберутся они туда, когда будет уже совсем темно — унылые окрестности стремительно обволакивали сумерки…

Осторожно, чтобы, не дай бог, не разбудить своего спутника, девушка опустила ставню.

И тут, как назло, карету сильно тряхнуло. Ставня громыхнула о стенку. Путешественница затаила дыхание.

Барон заворочался и что-то забормотал спросонья. Можно было разобрать только: «мерзавцы», «жирная свинья» и «проклятье!» Даже во сне он сыпал проклятиями в адрес их мучителей!

Слава Богу, это спросонок!

С явным облегчением юная баронесса перевела дух. Меньше всего ей хотелось бы сейчас видеть своего мужа бодрствующим. Выждав ещё несколько мгновений, она попыталась принять более-менее удобное положение. Это было непросто, так как барон занял почти всю скамью, оттеснив её в самый угол. И всё же, лучше уж так, чем слушать его нескончаемые язвительные тирады!

Мало того, что на протяжении всего обеда в трактире, куда они, как обычно, отправились после мессы, ей пришлось терпеть его злобные нападки! Так он и в дороге не унимался, продолжая изводить молодую жену.

И это после всего, что ей пришлось сегодня пережить! Нет, чтобы поддержать, утешить. Ведь супруг прекрасно знал, что в произошедшем не было ни капли её вины! И всё равно обрушил на неё лавину самых нелепых обвинений.

Она же, как всегда, вынуждена безропотно терпеть несправедливые упрёки. А куда деваться? Всё равно, пока барон не выплеснет на кого-нибудь свой гнев, покоя не жди!

Ну вот, мысли снова вернулись к унизительным минутам, пережитым на паперти собора! Даже сейчас кровь прилила к щекам от одного воспоминания о том, как она очутилась в бесцеремонных лапах герцогских любимчиков. Там её захлестнули страх и растерянность пойманного в капкан зверька. Как стыдно! И снова противная слабость в ногах — как и в тот миг, когда хохочущий властный рот смачно всосался в её губы…

Нет, нет, нет! Не думать об этом! О чём угодно, только не об этом!

Осторожно, чтобы не потревожить спящего, молодая женщина повела плечами, пытаясь вернуть к жизни одеревеневшее от неподвижного сидения тело.

Подвинуть бы чуточку локоть барона!

Нет, пусть спит. Эка его разморило после сытного обеда, обильно сдобренного вином! Даже гнев не испортил ему аппетита!

До чего же есть хочется! После пережитого унижения и под градом мужниных нападок ей было не до еды. В трактире она не смогла проглотить ни кусочка. А теперь смертельно уставшая путешественница жалела об этом, чувствуя, как голод безжалостно терзает её пустой желудок. Сейчас бы кусок ароматного пирога с сочной мясной начинкой. На худой конец, зажаренное куриное крылышко…

Стоп, о еде тоже не думать! Этого её бедный желудок точно не выдержит!

– Господи, скорей бы уж добраться домой! — вздохнула она и закрыла глаза.

Но дремать в неудобной позе тоже не получалось.

Могла ли она ещё утром предположить, что долгожданная поездка в город, которой она всегда так по-детски радовалась, в этот раз принесёт ей столько неприятностей?!

Как бы хотелось выбросить всё из головы! Но тягостное смятение прочно и, похоже, надолго обосновалось в её душе, заставляя с болезненной остротой заново переживать события этого злосчастного дня…

Глава 1. Унижение

Поднялись они затемно, чтобы выехать с первыми лучами солнца. Надо было успеть добраться по разбитой дороге в Аррас к началу воскресной мессы.

Теперь, когда в затянувшейся на десятилетия войне наступила передышка, они стали чаще выбираться в город. Для юной баронессы, не избалованной впечатлениями, каждая такая поездка в Аррас была настоящим праздником. Она была бы рада любой смене обстановки. А тут — возможность, побывать на одном из многочисленных праздников, которыми даже в эти тяжкие времена Церковь едва ли не каждый месяц баловала свою паству.

Оно и понятно — на праздники в Аррас стекался люд со всего графства. А это означало щедрые пожертвования и способствовало бойкой торговле индульгенциями![1]

Сегодня же вообще был особый день. Никак нельзя было пропустить мессу, потому что в Аррас прибыл сам герцог Бургундский Филипп Смелый, носивший также титул графа Артуа. И хотя барон, её муж, люто ненавидел бургундцев, ставших хозяевами их края, отсутствие на богослужении представителя одного из старейших в графстве родов выглядело бы слишком демонстративным. Среди герцогских прихлебателей всегда найдётся желающий лишний раз напомнить своему господину о непокорном бароне.

Прибыли они как раз вовремя: месса ещё не началась, но огромный собор уже гудел, как улей. Им пришлось буквально протискиваться сквозь разношёрстную толпу, заполонившую храм, к стоявшим впереди скамьям для знатных особ. В отличие от простолюдинов, дворяне пользовались привилегией сидеть во время службы. Здесь находились и места, которые уже два с лишним столетия принадлежали семье барона.

Представители местной знати церемонно раскланивались со старым вельможей. Мужчины с нескрываемым интересом поглядывали на его молоденькую жену. Но были и такие в основном, из новоиспечённых аристократов, обласканных Бургундцем, которые едва удосуживались небрежно кивнуть жалким, в их глазах, провинциалам.

В ожидании начала мессы Анриетта украдкой рассматривала роскошные туалеты дам, со стыдом сознавая, что выглядит рядом с ними настоящей простушкой. Добротное синее фламандское сукно её единственного парадного платья и белоснежная барбетта с тугими накрахмаленными складками казались просто убогими на фоне пышных бархатов и дорогой парчи, привезённой с востока, тончайших прозрачных вуалей, вышивок и новомодных плиссировок.

Что уж говорить о бесподобных, искрящихся всеми цветами радуги драгоценностях, подчёркивающих статус и достаток их хозяев! Невзирая на тяготы войны, высосавшей все соки из их некогда цветущего края, и вопреки настоятельным предостережениям Церкви о том, что «*золото — излюбленное орудие дьявола*», декольте, запястья, пальцы местных аристократок и их кавалеров были буквально увешаны ювелирными шедеврами!

[1] Индульгенция (лат. милость) — церковная грамота об отпущении грехов, продаваемая от имени папы Римского за деньги или за особые заслуги перед Церковью как «излишек божьей благодати», которой обладали папа и сама Церковь.

Бургундская мода
конца XIV - начала XV ст.

А юная баронесса могла «похвастаться» лишь небольшим колечком с рубином, ранее принадлежавшим матери и подаренным ею по случаю замужества дочери, и скромным ожерельем из золотистых топазов, доставшимся в наследство от умершей первой жены барона и украшавшим сейчас её шейку. Не считать же, в самом деле, драгоценностями серебряный крестик, полученный при крещении, который она носила под одеждой, и потёртый эмалевый аграф — пряжку, которой застёгивался плащ?!

Правда, у неё было ещё весьма ценное кольцо, полученное от супруга в день венчания, — старинное с большущим изумрудом. Но барон не позволял без особой надобности надевать фамильную драгоценность.

Впрочем, сегодня был как раз такой случай.

Но, увы, даже, если бы муж позволил, носить это кольцо она всё равно бы не смогла — слишком широкое и массивное, оно просто падало с её тоненького пальчика…

Вокруг них горделиво покачивались геннины — высоченные колпаки с вуалью, повсеместно вошедшие в моду с лёгкой руки королевы Изабеллы Баварской.

Анриетта машинально поправила свой простенький чепец и чуть слышно вздохнула. Да, геннин придаёт всему облику женщины такую царственную величавость! Даже святые отцы, считающие моду одной из коварнейших приманок Дьявола, завлекающего добропорядочных прихожанок на путь распутства, терпимо относятся ко всем этим причудливым сооружениям на их головках!

Как же ей хотелось бы выглядеть столь же изысканной, нарядной и важной, как все эти прекрасные дамы!

Но вот что ей совершенно не нравилось, так это выбритые по последней моде лбы и виски, которые новый головной убор оставлял открытыми. А ещё она слышала, что некоторые модницы не сбривали, как делали её мать и сёстры, да и она сама, чтобы не походить на простолюдинок, а выщипывали каждый волосок на теле! Бр-р-р! Ужас какой! Слава богу, ей не было нужды подвергаться такой экзекуции, а барбетта всё равно полностью скрывала волосы.

Была б на то её воля, она предпочла бы вообще их не прятать. Но, увы, кудри даже раньше могли оставлять неприкрытыми только незамужние девицы, а нынче и вовсе вышли из моды.

Анриетта помнила, как малышкой, ей нравилось наблюдать за священнодействием служанки, завивавшей раскалёнными щипцами волосы старшей сестры, как мечтала поскорей вырасти, чтобы носить такую же восхитительную причёску. И вот она уже взрослая. У неё пышные, волнистые от природы волосы цвета мёда (даже в щипцах не нуждаются), и что же? «*Кто делает себе курчавые волосы, тот должен идти прямиком в ад, ибо другого пути ему нет*», — твердят с амвона священники.

Особенно же нетерпима Церковь к рыжим, пусть даже волосы имеют всего лишь рыжеватый оттенок: «*Изыди, рыжая с ядовитой шкурой!*» Рыжий — цвет адского пламени! И женщина, выставляющая волосы напоказ особенно такие!, — не иначе как ведьма.

Анриетта вздохнула: отныне её удел — вечно прятать своё главное украшение — она теперь замужняя дама.

Внезапно храм буквально загудел. Плотная масса людей позади колыхнулась, почтительно расступаясь под напором герцогской стражи. Сидящие дворяне вставали со своих мест, чтобы приветствовать появившегося в проходе между скамьями сюзерена[2] — герцога Бургундского, графа Д'Артуа, торжественно выступавшего в сопровождении супруги и целой свиты приближённых.

Получив в приданое от жены обширные владения, включая и их графство Артуа, Филипп II Бургундский стал богатейшим землевладельцем Франции. А после смерти его брата-короля — одним из самых влиятельных лиц в государстве в качестве регента при малолетнем племяннике Карле VI и первого пэра Франции. Нынче же, в связи с безумием молодого короля, герцог обрёл, по сути, неограниченную власть.

По рядам прошелестел возбуждённый шёпот — кого из дам могло оставить равнодушной великолепие наряда герцогини?! Малахитово-зелёное бархатное платье с расшитым жемчугом золотым лифом и двухметровым шлейфом, который несли за ней два пажа, высоченный геннин, самый высокий в графстве — воистину королевская роскошь! Даже, несмотря на худобу и сероватый цвет бледного лица, герцогиня выглядела величественно.

Герцог, тоже всегда славившийся роскошью своих туалетов, сегодня выглядел не так напыщенно. Возможно, причиной тому был тёмно-коричневый цвет его уппеланда[3] — широкого верхнего одеяния с пышными рукавами — а, может, просто возраст сказывался. Однако, по части драгоценностей он вполне мог соперничать с супругой. Все пальцы были унизаны перстнями, на широкой груди возлежала массивная золотая подвеска с орденом, усыпанным драгоценными камнями. Но главной его гордостью был огромный красный рубин, известный как «Рубин Бургундии». Вставленный в оправу из крупных жемчужин, камень украшал замысловатой формы головной убор их сеньора.

Герцог и герцогиня поднялись на предназначенное для них возвышение, где под пурпурным балдахином были установлены кресла, богато украшенные резьбой. Герцогская свита с шумом разместилась на передних скамьях.

Прелат, на веку которого сменилось уже три поколения владельцев графства Артуа, ждал лишь появления сеньора. Путаясь в подоле сутаны, он проворно, несмотря на почтенный возраст, взобрался по крутым ступенькам на возвышение кафедры. Отдышавшись и выждав паузу, пока не утихомирится сопровождавшая герцога молодёжь, святой отец обратился к пастве с

---

[2] Сюзерен, сеньор — в Западной Европе в Средние Века вышестоящий феодал герцог, граф и пр., по отношению к которому дворяне рангом ниже выступают в роли вассалов. Получая от сеньора земельное владение — феод, вассал обязан был платить дань, нести ряд повинностей, в т.ч., военную службу. Король — верховный сюзерен для всего дворянства.

[3] Уппеланд — верхняя одежда знати в виде широкого, с пышными рукавами одеяния длиной от середины бедра до пола. Изготавливался из шерсти, атласа, бархата, шёлка. Часто украшался богатой вышивкой. Характерная особенность уппеланда — двуслойность с непременным контрастом цветов. Зимний вариант мог иметь нижний слой из меха.

проникновенной проповедью о необходимости смирения в преддверии грядущего уже в ближайшее время Армагеддона:

– Грядёт, грядёт последняя и окончательная битва Сил Света с воинством Тьмы!..

Уже не в первый раз род людской ожидал Конца Света. Не менее истово Святая Церковь готовилась к нему четыреста лет назад, когда, как полагали, подошло к своему концу предречённое тысячелетнее Царство Христово. Но тогда, вопреки мрачным прогнозам, мир остался жить. Этому, конечно же, было найдено объяснение: дату Судного Дня исчисляли от Рождества Спасителя, а ведь обещанное на земле Царство утвердилось лишь три, а то и четыре века спустя. То есть исчислять тысячу лет следует с того времени, когда вера Христова перестала быть порицаемой и гонимой, и Слово Божье зазвучало во весь голос.

И вот, отведённая миру тысяча лет снова истекала, пролетев, как один миг. Теперь-то уж ничто не могло отсрочить Божьего Суда! Вот только никто не знал точно, сколько лет, а может, и дней осталось грешному человечеству…

Пока священник с жаром убеждал паству в необходимости смирить гордыню, молодые дворяне из герцогской свиты продолжали шептаться и глазеть по сторонам. Эти баловни жизни, явно, были уверены, что во время Конца Света их места будут среди зрителей.

Зато Анриетта старалась не пропустить ни единого слова проповедника. Юную баронессу жизнь не баловала развлечениями, поэтому литургия — это до мелочей знакомое церковное действо — была для неё волнующим таинством, наполняющим душу трепетным восторгом. Она не заметила, как происходящее целиком завладело всем её существом. Поначалу, внимательно слушая, о чём говорит святой отец, она старалась представить себе страшные муки, ожидающие тех, кто не способен или не желает в смирении и послушании заслужить себе право на Царство Божье. Но в какой-то момент смысл слов стал от неё ускользать. Голос проповедника таял, слова растворялись, сливались в один бесконечный протяжный звук…

Её обволакивало неизъяснимое блаженство…

Так было практически всегда: пребывание в храме неизменно приводило её в блаженное состояние. Всё здесь — и величественный интерьер, и возносящиеся к сводам голоса певчих, и разноцветные потоки света, льющиеся сквозь витражи стрельчатых окон, нарядная праздная публика, явившаяся из другого, неведомого ей мира, — будоражили воображение, уносившее её далеко-далеко…

Сквозь туман, застилавший глаза, окружающая обстановка начинала казаться как будто размытой, а потом и вовсе ирреальной. Исчезли окружавшие её люди, супруг, дремавший по правую руку; растаяли, растворились каменные своды собора…

К моменту, когда зазвучал гимн во славу Пречистой Девы, Анриетта уже не принадлежала себе. Она стала частью этой литургии — звенящим звуком, трепещущим на губах; слезой, дрожащей на ресницах. Она слышала ангельское пение, её манил мерцающий неземной свет…

Увлекаемая в сияющие выси, молодая женщина взволнованно прошептала, будто из самого сердца выплеснула отчаянную молитву — мольбу к Пречистой об исполнении того, что занимало все её помыслы, и чего она больше всего на свете желала: дитя. Она как будто чувствовала, что будет, наконец, услышана…

* * * * *

…Анриетта очнулась, когда люди вокруг неё стали подниматься со своих мест и потянулись к престолу за причастием. В соборе сразу стало шумно от звука шагов, шуршания одежд, гула голосов. Они с бароном тоже присоединились к очереди, чтобы принять из рук прелата хостию — хлеб причастия — и благословение.

Причастившись, Анриетта, держась позади мужа, направилась к выходу. Взгляд упирался в его широкую спину в багрового цвета плаще. Высокий и довольно крепкий старик в последнее время заметно одряхлел и постоянно мёрз, и потому всегда кутался в свой любимый, подбитый бобровым мехом плащ. Огромный воротник из волчьего меха топорщился на сутулых

плечах, отчего при взгляде сзади создавалось жутковатое впечатление, будто его тело не имеет головы.

Окунув руку в чашу со святой водой, барон небрежно подал воду жене, как принято, из ладони в ладонь. На мгновение её тоненькие пальчики соприкоснулись с узловатыми, перекрученными подагрой пальцами. Анриетте показалось, что её пронзило могильным холодом. Поспешно осенив себя крестным знамением, она направилась вслед за мужем к выходу — в ослепительный прямоугольник открытых настежь дверей, из которого потоки солнечного света заливали сумрачный притвор храма.

Перешагнув порог, ослеплённая на мгновение девушка замешкалась на паперти.

Отовсюду к ней потянулись руки нищих, облепивших ступени, ведущие к собору. Откинув полу плаща, Анриетта достала из мешочка, висящего на поясе, несколько мелких монет, которыми всегда запасалась, собираясь в город, и начала раздавать милостыню. Ощутив прикосновение чьих-то когтистых пальцев, её вновь окатила волна омерзения. Спохватившись, она мысленно осудила себя за гордыню. Поспешно сунув в грязные корявые ладони последние монетки, молодая женщина преодолела оставшиеся ступени, предоставив цепким клешням ловить новую жертву.

Вот тут-то всё и началось!..

Неожиданно она оказалась в окружении молодых щёголей из герцогской свиты, ожидавших своего господина, задержавшегося для беседы с епископом.

Все, как один, одетые по последней бургундской моде: в бархатных беретах и шапочках на тщательно уложенных волосах; коротких куртках-пурпуэнах с пышными рукавами, сквозь прорези которых проглядывало тончайшее полотно белоснежных рубашек и туго облегающих ноги трико — зелёных, красных, синих, фиолетовых — они были похожи на стаю крикливо разукрашенных попугаев.

– Какая миленькая провинциалочка! Ну, что за нелепый чепец! Скажи нам своё имя, красотка! — раздавалось вокруг неё.

Ошеломлённая Анриетта попробовала вырваться из их плотного круга, но наглецы преграждали ей дорогу.

Она пыталась окликнуть барона, но непрерывный поток людей, покидающих собор, уже разделил их. Его высокая фигура медленно удалялась, и помощи ждать, похоже, было неоткуда.

Внезапно один из молодых нахалов сгрёб в охапку опешившую от неожиданности девушку и впился в её губы смачным поцелуем.

Это было уже слишком! Анриетта отчаянно рванулась, высвободившись из цепких объятий обидчика. Но тут же угодила в руки его приятеля. Остальные хохотали, наслаждаясь забавой.

К счастью, в этот момент в дверях собора показалась фигура герцога. В сопровождении стражи, расталкивавшей нищих и прихожан, сеньор спустился вниз на несколько ступеней. Остановившись, он окинул сверху взглядом своих приближённых.

Молодые придворные склонились в поклоне. И только растерянная и испуганная Анриетта осталась стоять в их кольце, как столб, напрочь забыв о положенном реверансе.

Не удивительно, что она привлекла к себе внимание герцога. Моментально оценив обстановку, залитое краской лицо молодой женщины, и зная прекрасно замашки своей свиты (бургундцы никогда не отличались деликатностью, особенно к тем, кого считали ниже себя), сеньор поманил Анриетту рукой:

– Подойди, дитя!

Спохватившись, юная баронесса поспешно сделала реверанс и направилась к лестнице.

Её трясло, ноги плохо слушались. Поднимаясь на ступеньку, она споткнулась, наступив на подол платья.

К счастью, сеньор успел подхватить её под локоть.

– Благодарю, Ваша Светлость, — едва слышно пробормотала Анриетта, не смея поднять глаза.

– Как твоё имя, милая? — герцог всем своим видом демонстрировал обходительность и заботу о подданных, как и положено доброму сеньору.

Ещё раз присев в поклоне, Анриетта назвала своё имя и титул.

Герцог не смог скрыть своего удивления.

– Моё почтение, госпожа баронесса!

Потом повернулся к её обидчикам:

– Надеюсь, проказники, вы были учтивы с дамой?

Анриетте послышалась в его тоне ирония.

Стоя рядом с герцогом на возвышении, она вдруг заметила приближавшегося к ним супруга. По всей видимости, обнаружив исчезновение жены, он решил вернуться.

Герцог тоже увидел барона.

Высокий и уже довольно грузный Филипп при виде своего вассала, известного неприязнью к бургундцам, подбоченился, всем своим видом давая понять, кто здесь хозяин. Хотя его крупный нависающий над губой нос и выпяченный подбородок и без того придавали этому привыкшему повелевать человеку надменный вид. Под высоко изогнутыми тонкими бровями поблёскивали металлом холодные, как у рептилии, глаза.

– Приветствую Вас, достопочтеннейший барон! — Узкие напомаженные губы изогнулись в снисходительной улыбке. — Что ж Вы оставляете без присмотра свою очаровательную супругу?

Барон с трудом склонил негнущуюся спину, отвечая на приветствие герцога.

С самодовольством кота, собирающегося позабавиться с пойманной мышью, герцог переводил взгляд то на барона, то на его молодую супругу. Пальцы, унизанные перстнями, барабанили по животу.

– Давненько же мы не имели удовольствия лицезреть Вас в свете, Ваша милость, — тон герцога звучал нарочито церемонно, где-то даже приторно-елейно. — Вижу, Вас можно поздравить в качестве счастливого молодожёна! Что ж Вы не представите ко двору своё самое большое сокровище — прелестную юную жёнушку!

Сокрушённо покачав головой, Филипп бросил взгляд в сторону своей свиты, словно приглашая разделить его сожаления. Узкие губы подрагивали, готовые растянуться в насмешливой улыбке.

Напыщенные щёголи, стоявшие внизу в картинных позах, уловив издёвку в словах сеньора, с довольным видом переглядывались в предвкушении новой забавы. Благосклонность всесильного господина, по их мнению, давала им право свысока взирать на старого дворянина, чей род был, пожалуй, древней всех их семейств вместе взятых.

– Ну, разве можно быть таким эгоистом — держать взаперти эдакий бриллиант? — не унимался герцог. — Как жаль, что Её светлость герцогиня убыла раньше и не имела удовольствия познакомиться с Вашей супругой. Но, если Ваша милость пожелает, могу замолвить словечко перед Её светлостью — возможно, у неё найдётся для баронессы вакантное место фрейлины. Вы же, надеюсь, не против, чтобы Ваша жена отправилась с нами в Париж?

Как будто только сейчас заметив бессильную ярость, перекосившую лицо барона, он перешёл на доверительный тон.

– Впрочем… Ваша милость, наверное, правы — прячьте, хорошенько прячьте! Подумать только, у скольких кавалеров слюнки текут, видя, какой лакомый кусочек Вам достался.

Эти слова вызвали у его свиты взрыв смеха.

Юную баронессу поведение герцога привело в окончательное замешательство. Она стояла, потупившись, пальцы нервно теребили ткань платья, краска стыда заливала лицо и шею.

Смущение придало ей ещё большего очарования. Она даже не догадывалась, до чего сейчас была хороша.

– А, может, я ошибаюсь, и дело вовсе не в Его милости, а в очаровательной баронессе, которая, видимо, так счастлива в своём уютном семейном гнёздышке, что не хочет его надолго покидать? Я угадал, госпожа баронесса? — подмигнул герцог молодой женщине.

Откровенно забавляясь её растерянностью и желая ещё больше подразнить старого барона, герцог игриво подхватил Анриетту под руку. Склонившись к ней так близко, что она ощутила на щеке его дыхание, понизив голос, он прошептал:

– А когда наша обворожительная баронесса собирается подарить своему дражайшему супругу наследника? Или Вы от нас что-то скрываете, и мы вскорости услышим счастливую новость?

Вот только шептал он так громко, что каждое его слово было отчётливо слышно не только побагровевшему барону, но и всем стоявшим поблизости.

Не выпуская своей жертвы, герцог перешёл на торжественный тон:

– В таком случае, вашему сюзерену остаётся только радоваться тому, что стараниями любезнейшего барона, — он отвесил в его сторону гротескный поклон, — мы скоро получим новых преданных вассалов.

Герцог сделал ударение на слове «преданных». Судя по всему, ему было хорошо известно, что барон оставался одним из немногих, кто хранил верность изрядно потускневшей французской короне, не смирившись в душе с господством Бургундского Дома. Однако не мог, в том числе, в силу возраста, выражать открыто свои взгляды.

Глумясь над строптивым бароном, Бургундец своими насмешками, сам того не подозревая, задел его самое уязвимое место.

Да и юную баронессу его слова заставили затрепетать, как загнанную лань. Откуда герцогу было знать, что дня не проходило, чтобы она не обратилась к Матери Божьей со страстной мольбой о ребёнке, которого никак не могла зачать? Измученная постоянными попрёками мужа, упорно не желавшего смириться с тем, что его славный древний род может угаснуть без наследника, Анриетта не переставала молить Заступницу послать ей сына. Возможно, тогда бы барон, наконец, успокоился и перестал терзать её упорными, но, увы, безрезультатными попытками стать отцом. Но Небеса оставались глухими к её мольбам.

А сейчас их сеньор, вольно или невольно, нанёс удар по больному месту, подняв настоящую бурю в душах и Анриетты, и её дряхлого супруга.

Молодая женщина беспомощно оглянулась, словно в поисках поддержки. Но увидела лишь насмешливые лица герцогской свиты, дерзкой и заносчивой по отношению к любому, кого считали не достойным их уважения, и, в то же время, подобострастной по отношению к сеньору. Барон же, утративший былое величие и в душе ненавидевший бургундцев, был абсолютно бессилен перед Филиппом, ценившем в людях безраздельную преданность.

За вымученной улыбкой узких бескровных губ барона угадывалось кипевшее в нём бешенство. Чёрт побери(!), он вынужден терпеть этот поток беспощадных насмешек! Разве в прежние времена кто-либо дерзнул бы проявить по отношению к нему подобную вольность? Да он разорвал бы насмешника голыми руками! На худой конец, у обиженного всегда оставалось право жаловаться королю. Ведь его предки получили баронскую корону и земли из рук одного из Каролингов и с тех пор неизменно пользовались покровительством французских королей.

Но времена изменились. Кому жаловаться? Король Карл VI, психически больной и слабовольный, унаследовав от предшественников нескончаемую войну с англичанами, не только лишился значительной части подвластных короне земель, но и находился под полным контролем своего дяди. Власть герцога Бургундского почти беспредельна. Что для него гордость какого-то почти разорившегося барона, сохранявшего преданность прежним властителям?! Здесь он — и царь, и бог, и судья, и палач!

Ничуть не тронутый смятением молодой баронессы и демонстративно не замечая едва сдерживаемой ярости её супруга, герцог снова перешёл на доверительный тон, как будто они были здесь совершенно одни:

– Ваша милость, дорогой барон, ваш сюзерен денно и нощно печётся о благополучии своего народа. Разве не достаточно всех этих бесконечных напастей, обрушившихся на наш многострадальный край? Подумать только, на скольких славных гербах потускнела позолота! Не приведи Господь, снова война, и наше Артуа совсем обезлюдеет, — герцог сокрушённо вздохнул. — Как можно, право, оставаться равнодушным, видя, что может зачахнуть один из самых древних и славных родов нашего графства?! Так что с нетерпением жду (мы все ждём!) пополнения в вашем семействе. Нельзя допустить, чтобы такая роскошная нива оставалась незасеянной!

Произнося эти слова, он, не выпуская руки Анриетты, чуть отстранился, чтобы окинуть оценивающим взглядом её фигурку — всю, с ног до головы. Потом повернулся к своей свите, с готовностью отозвавшейся на его скабрёзность взрывом смеха.

Это было уже слишком! Молодая женщина выдернула локоть и бросилась к мужу, пытаясь укрыться за его широкой спиной.

Филипп хохотал вместе со всеми, откинувшись назад и придерживая руками живот.

Барон, до сих пор молча сносивший издёвки, при последнем оскорблении расправил сгорбленные годами плечи. Казалось, ещё мгновение, и он бросится на обидчика с кулаками.

К счастью, сеньору, похоже, уже наскучило потешаться над своими жертвами. Одарив их на прощание небрежным кивком головы, он спустился с лестницы и направился к карете, которая уже давно поджидала его.

За ним, словно гусята за гусыней, потянулась его шумная пёстрая свита, мгновенно потеряв интерес к барону и его супруге.

Как только их мучители удалились, барон, даже не взглянув на жену, которую всё ещё била дрожь, развернулся и двинулся в противоположную сторону. Пережитое унижение подгоняло его.

Анриетта едва поспевала за мужем, лавируя в толпе, растекавшейся от собора в разных направлениях.

Миновав пару кривых переулков, они направились к группке людей, одетых бедно даже для простолюдинов.

Это были их сервы[4]. Трое-четверо слуг всегда сопровождали хозяев в город в качестве и свиты, и охраны на небезопасных дорогах, а теперь, после мессы, топтались в условленном месте в ожидании дальнейших распоряжений.

Слава Богу, сервы находились достаточно далеко и не стали свидетелями позора их господина! Иначе им бы точно не поздоровилось!

Впрочем, барон не удержался и сорвал-таки распиравший его гнев на первом же, кто подвернулся под руку, наградив его парочкой увесистых тумаков за то, что тот недостаточно почтительно, как ему показалось, ответил хозяину. Остальные съёжились от страха.

Выпустив пар, барон отпустил, наконец, своих людей, велев им к положенному времени собраться на постоялом дворе, где они оставили карету.

Низко поклонившись, люди поспешили убраться подальше от гневных хозяйских глаз, чтобы прокутить в ближайшем кабачке несколько мелких монет, которые каждый из них бережно хранил для такого случая. Один из слуг, правда, остался сопровождать господ.

[4] Сервы (от лат. servus — раб) — феодально-зависимые крестьяне, наиболее ограниченные в правах и находившиеся в полной зависимости от феодала. То же, что крепостные.

Дальнейший их маршрут пролегал через расположенные поблизости от городской площади лавки с призывно поскрипывающими на ржавых цепях вывесками. Им предстояло сделать кое-какие закупки к надвигающейся зиме, которые её муж обычно не доверял никому.

Но сегодня для местных лавочников выдался поистине неудачный день: так и не оправившийся от пережитого унижения барон нещадно придирался и к торговцам, и к товару, понося и тех, и других последними словами.

Анриетта испытывала неловкость из-за недостойных дворянина перепалок с лавочниками. Но вынуждена была безропотно следовать за мужем, хотя происшествие на паперти подкосило и крайне обессилило её.

Они переходили из лавки в лавку, провожаемые неприязненными взглядами, а то и откровенно оскорбительными репликами раздосадованных торговцев.

Разругавшись напоследок с продавцом пряностями, барон в крайней степени раздражения выскочил вон из его лавки, едва не сбив с ног очередного покупателя и оставив бедолагу-лавочника в полнейшем недоумении.

Да, день явно не заладился!

Так и не сделав толком нужных покупок, барон, в конце концов, махнул рукой, и они отправились прямиком на постоялый двор.

Во время поездок в Аррас они всегда сначала заезжали сюда, чтобы оставить карету, а после мессы обедали в трактире, занимавшем первый этаж. А однажды из-за непогоды даже остались здесь на ночлег.

На жестяной вывеске, висевшей над входом, было нарисовано блюдо, на котором красовалось нечто бесформенное. Это «нечто» изображало (правда, не очень убедительно!) возлежащего на блюде жареного гуся, источавшего струйки горячего пара. Во всяком случае, постоялый двор и трактир при нём так и назывались: «Гусь на золотом блюде».

Расположенный неподалёку от рыночной площади, трактир никогда не пустовал, по воскресеньям же здесь всегда было полным-полно народу. Здешняя публика, разношёрстная и, большей частью, невзыскательная — торговцы, ремесленники, солдаты — не отличалась особой респектабельностью. Поэтому хозяин «Гуся» всегда лично обслуживал барона с супругой — пусть и не слишком щедрых, зато знатных гостей. Такое отношение льстило барону — тут, в отличие от собора, можно было беспрепятственно раздуваться от важности.

Анриетту обычно тоже радовали посещения этого ничем не примечательного заведения, не блещущего чистотой и разнообразием блюд, зато имевшего несомненное достоинство — умеренные цены. Эти посещения привносили в жизнь молодой женщины, пусть ненадолго, хоть какое-то подобие праздности.

Ей нравились сутолока трактира, деловитая суета вокруг огромного пылающего очага, от которого исходили дурманящие ароматы. Молодая баронесса с любопытством прислушивалась к чужим разговорам и по-детски смущалась, когда замечала откровенно любопытствующие взгляды незнакомых мужчин. А иногда сюда забредали гистрионы — бродячие артисты, и здесь играла музыка, и тогда в большом зале было особенно шумно и весело.

Ян Сандерс ван Хемессен.
Веселая компания. XVI в. Фландрия

Однако сегодня ничто больше не могло порадовать Анриетту. Барон всё никак не мог успокоиться. Только сейчас он обратил своё раздражение против жены. Она же вынуждена была, потупившись, терпеливо выслушивать нескончаемый поток незаслуженных упрёков и оскорблений.

Стараясь не привлекать внимания других посетителей, старик, брызгая слюной, шипел на бедную Анриетту: это она виновна в том, что над ним насмехаются!

– Да ещё кто?! — кипятился барон. — Эти ничтожные, невесть откуда взявшиеся выскочки, едва успевшие отхватить от новых господ титулы и богатства, позволяют себе задирать нос передо мной, чьи предки были в числе первых крестоносцев и склоняли головы только перед славными королями франков! И вообще, я ошибся, взяв Вас в жёны, понадеявшись, что Вы родите мне наследника. Мало того, что моему древнему роду грозит полное исчезновение, так теперь ещё из-за Вас я должен терпеть издёвки заносчивого Бургундца и его жалких лизоблюдов! И зачем только Вы полезли на глаза этому негодяю?!

Анриетта попыталась было робко оправдаться, объяснив, как попала в лапы приспешников герцога. Но это лишь подлило масла в огонь.

– Если бы Вы, мадам, не строили глазки кому ни попадя, то и не привлекли бы к себе внимание герцога. И он не стал бы тискать Вас на глазах у всех!

Удивительное дело! Чем хуже шли дела барона, тем больше становилось в его поведении спеси. Чем меньше оставалось у него поводов кичиться знатностью и богатством, тем чаще вымещал он раздражение на тех, кто находился в его власти. Вот и сейчас душившее его негодование в адрес герцога Филиппа и всех этих расфранчённых выскочек, готовых лизать пятки бургундцам, он обрушил на голову своей юной жены.

Анриетта чуть не плакала, выслушивая эти злобные нападки. Всё её естество восставало против такой вопиющей несправедливости: она-то в чём виновата?

Попало и трактирщику за нерасторопность. Хотя тот, вместе с двумя служанками, без устали носился от стола к столу, обслуживая многочисленных посетителей. Да ещё и успевал на ходу поколдовать возле огромного очага, на котором под пристальным надзором его румяной супруги одновременно жарились, запекались и варились с полдюжины разных яств.

Наконец, хозяин с извинениями подал беспокойному сеньору, грозившему насадить его самого на вертел, заказанные блюда и вино.

Злость удвоила аппетит барона. С жадностью набросился он на истекающего жиром каплуна и пирог с зайчатиной, запивая еду вином. Трактирщик, не в первый раз обслуживавший знатного гостя, специально для него запасался хорошо выдержанным местным вином, зная, что кувшин с популярным нынче благородным напитком, носившим ненавистное барону название «бургундское», мог полететь ему в голову.

А вот молодая жена барона, которую душили слёзы обиды, не притронулась даже к своему любимому паштету из гусиной печёнки, о чём потом, в дороге, очень и очень пожалела…

* * * * *

…Скрипучую колымагу снова сильно тряхнуло.

Ничего, осталось потерпеть совсем немного. Скоро они будут дома. Она перекусит и заберётся в свою постель.

Быть может, супруг, утомлённый дорогой и пережитым, не станет её беспокоить своим вниманием…

Она представила, как потянется, хрустя всеми косточками, а потом, свернувшись калачиком и зарывшись лицом в мягкий мех одеяла, позабудет обо всех неприятностях сегодняшнего дня…

Глава 2. Долг

С момента злополучной поездки в Аррас прошло несколько недель.

Осень властно вступила в свои права. Она заявляла о себе всё большим количеством пожухлых листьев, устилавших коченеющую землю; всё более короткими днями и долгими промозглыми вечерами.

В поместье с самого рассвета начиналась суматоха. Полевые работы давно завершились, поэтому и сервы, и домашняя прислуга могли заняться подготовкой к зиме. Кто-то заготавливал дрова и торф, кто-то чинил нуждавшиеся в ремонте постройки.

Во дворе истошно ревел скот. Запасались мясом. Воздух усадьбы пропитался запахом крови и дымом. Прямо посреди двора разделывали туши. Женщины ощипывали птицу. Ветер гонял по двору белые гусиные перья.

Часть мяса засаливали в бочках, трясясь над каждой щепоткой соли, которую в целях экономии смешивали с золой, остальное коптили. Сало вытапливали для светильников. Тут же, неподалёку, скоблили и дубили шкуры.

Одуревшие от обжорства собаки слонялись из угла в угол, лениво виляя хвостами, получив очередные обрезки птичьей требухи.

До самой темноты во дворе и за стенами усадьбы кипела работа. Десятки людей сновали туда-сюда, как муравьи в муравейнике, и постороннему взгляду трудно было бы уловить во всей этой суете какой-то определённый порядок.

А посреди этого непрерывного движения лёгким пёрышком носилась молодая баронесса, везде успевая, за всеми приглядывая. Ничто не должно было быть упущено, ведь потом упрёкам сеньора не будет конца.

Правда, у Анриетты была прекрасная помощница — суровая немногословная Эльза. Немку много лет назад, ещё девчонкой, барон привёз из очередного военного похода. А теперь она исполняла в его доме обязанности экономки-ключницы.

При желании Анриетта вполне могла бы положиться на Эльзу, доверив ей все заботы. С опрятностью и педантичностью, столь характерными для представителей её народа и, похоже, впитываемыми с молоком матери, та ни одной мелочи не упустила бы из виду. Тем более, что до появления в доме барона молодой жены Эльза уже не один год самостоятельно управлялась с хозяйством. Но Анриетте нравилось сознавать себя хозяйкой, следить за порядком, давать распоряжения. Это придавало смысл её жизни. И надо отдать должное, ей это неплохо удавалось. Её вовсе не тяготили все эти хлопоты, не оставлявшие времени на скуку. Она ещё успеет пресытиться ничегонеделанием в бесконечно долгие зимние вечера!

Главное, бесчисленные заботы помогали забыть на время о неизбежном наступлении ночи…

После возвращения из Арраса барон с каждым днём становился мрачней и раздражительней. И хотя о безобразной выходке герцога Филиппа вслух больше не было сказано ни слова, он то и дело срывался, по поводу и без повода отыгрываясь на своём окружении.

Что касается Анриетты, то, со свойственной юности беспечностью, она давно бы выбросила неприятный инцидент из головы. Тем более, что сейчас ей и без того хватало забот. И к барону, с его вечными придирками, она уже притерпелась. Если бы только не ночи, по-настоящему отравлявшие ей жизнь об этом Анриетта даже думать не могла без содрогания!.

Каждый вечер с завидным упорством барон поднимался в покои жены, чтобы заявить свои супружеские права. Стремление продлить свой род и прежде занимало помыслы её престарелого супруга. А после той унизительной сцены на паперти собора его желание переросло в навязчивую идею.

Но можно ли обмануть природу? Барон не только не способен был обеспечить продолжение рода, теперь ничто даже отдалённо не напоминало о его былых мужских способностях. Все потуги одряхлевшего тела оказывались тщетными.

Но барон не терял безумной надежды пробудить угасшую плоть, доводя порой жену до полного изнеможения, в надежде, что свершится чудо, и взрастёт на фамильном древе новая ветвь…

Боже, как же это отвратительно! Куда деться от слюнявого рта, в котором не осталось и половины зубов, от цепких бесцеремонных рук, не щадящих её стыдливость? Удел жены — терпеть хриплое смрадное дыхание, щипки и поцелуи, скорее похожие на укусы, прятать от посторонних глаз кровоподтёки, ощущая, как мучительно ноет по утрам каждая клеточка измусоленного тела.

Разве у неё есть выбор?!

Кто бы мог подумать, что она едва ли не с сожалением будет вспоминать о прежних временах. Раньше визиты супруга в её спальню не были столь частыми. Да и поведение мужа не отличалось такой маниакальной настойчивостью. Нынче же, потерпев очередную неудачу, барон в бессильной злобе всё чаще пускал в ход кулаки, мстя жене за собственную немощь.

Ну и пусть! Пусть бы он бил её! Анриетте, выросшей в окружении многочисленных братьев и сестёр, к тумакам было не привыкать. Только бы не эта еженощная многочасовая пытка!

Молитвы её давно свелись к одному: чтобы усилия мужа увенчались, наконец, успехом. И тогда, добившись желаемого, он, возможно, оставит её, наконец, в покое!

Ночи Анриетты превратились в ад. Каждый вечер, как на эшафот, поднималась она в свою комнату, мысленно заклиная, чтобы «старое чудовище» в этот раз не пришёл.

Тщетно! Одна ночь сменялась другой, и всё повторялось… Не имея возможности что-либо изменить, молодая женщина безропотно исполняла все причуды и капризы обезумевшего супруга, бессилие которого было совершенно очевидным.

Но только не для него! Ему бы смириться… Но куда проще было обвинять жену. Хотя бы в том, что она не пробуждает в нём необходимых желаний!

Доставалось не только Анриетте. Каждому из обитателей поместья довелось на себе ощутить отголоски той бури, что клокотала в душе их господина. Двух-трёх дней не проходило, чтобы кого-то из сервов не выпороли за самую что ни на есть малую провинность.

Бывали и вовсе дикие случаи.

Как-то старый скотник, не заметив проходившего мимо сеньора, споткнулся и едва не опрокинул ведро с навозом, забрызгав хозяйские сапоги. Немного забрызгал, самую малость. Но этого оказалось достаточно, чтобы хозяин пришёл в ярость и собственноручно едва не заколол неосторожного старика вилами, торчавшими тут же в навозной куче. Спасло беднягу только то, что рука барона утратила былую твёрдость, и потому слуга отделался лишь слегка подпорченной шкурой.

В другой раз одну из женщин на целый день заперли с грудным ребёнком в холодном чулане, не дав даже хлеба и воды. И лишь за то, что ей никак не удавалось успокоить плачущего младенца, чей крик вывел из себя хозяина.

В барона словно бес вселился. Поместье, и без того безрадостное и унылое, затягивала липкая паутина страха. Страшась навлечь на свою голову хозяйский гнев, люди трудились, не покладая рук.

Как и все в доме, молодая баронесса жила с оглядкой. Она старалась предусмотреть всё, чтобы не упустить какой-нибудь мелочи, которая могла бы спровоцировать ярость мужа. Причём боялась молодая женщина не только за себя, но и за совершенно беззащитную челядь.

И всё же, несмотря на изматывающее напряжение, Анриетте хотелось бы, чтобы день длился как можно дольше. Ведь другие, хотя бы ложась спать, имели возможность забыться. Она же и ночью не принадлежала себе…

* * * * *

Но однажды желанная ночь всё-таки наступила. Ночь, когда барон не явился в покои жены.

В ожидании неизбежного визита супруга Анриетта изо всех сил боролась со сном. Но как-то незаметно сон всё-таки сморил её.

Проснувшись уже глубокой ночью, она поначалу никак не могла сообразить, что же не так. А поняв, долго не решалась поверить в такое неожиданное везение. С жаром поблагодарила она Пресвятую Деву. Ей не хотелось сейчас думать о том, почему вдруг её муж отменил свой ежедневный, точнее, еженощный визит. Наверняка, неспроста, и после он непременно отыграется.

Но это будет после!

Пока же впервые за много дней юная баронесса заснула с улыбкой на губах.

Наутро, вопреки ожиданиям, барон выглядел спокойным и даже добродушным если такой эпитет вообще подходил старому брюзге. Почти любезно ответив на приветствие жены, он что совсем уж неслыханно! справился о её самочувствии!

Молодая женщина что-то растерянно пробормотала в ответ и поспешила занять своё место за столом.

Анриетта давно уже не видела мужа в столь благостном расположении духа и потому не знала, как ей лучше держаться — сейчас хорошее настроение барона могло скорее встревожить, нежели порадовать. Украдкой поглядывала она в его сторону, ожидая подвоха.

Однако супруг с завидным аппетитом, на который, впрочем, и раньше не жаловался, поглощал завтрак, не браня и не дёргая, по своему обыкновению, слуг.

Когда же старик игриво хлопнул пониже спины проходившую мимо Эльзу, у его жены глаза округлились от изумления. Экономка, как всегда невозмутимая, и бровью не повела. Зато Анриетта была в шоке.

Вообще-то для неё не было секретом, что в молодости Эльза была возлюбленной барона. Но это было задолго до его женитьбы на Анриетте. Одна из служанок не преминула как-то поведать об этом молодой хозяйке, сообщив также, что у Эльзы даже был от хозяина ребёнок. Правда, младенец, едва появившись на свет, умер. Но за всё время, что Анриетта провела в доме мужа, она никогда не замечала с его стороны каких бы то ни было вольностей в адрес его бывшей пассии.

Ей казалось, что барону вообще не свойственны человеческие слабости. И тут вдруг такое!

Теряясь в догадках о причинах столь разительных перемен в поведении супруга, Анриетта не знала, что и думать, — то ли вздохнуть с облегчением, то ли насторожиться и ждать грозы?

«Нет, похоже, Господь всё же услышал мои молитвы: и он успокоился. И, слава Богу! Давно пора! Ну, в самом деле, сколько можно изводить себя из-за насмешек герцога? — рассуждала молодая женщина, отправляя в рот кусочки сыра, которые машинально отламывала от ломтика, лежавшего на тарелке. — Как-никак, герцог — полновластный господин в Артуа, да и во всей Франции. Стало быть, сила всегда будет на его стороне. Ну, а то, что шутки его зашли чересчур далеко, так ведь на то он и сеньор, чтобы поступать в соответствии со своими желаниями и капризами. Это же естественно! Конечно, никому не понравится подобное выслушивать. Так что же? Всё равно герцог не станет считаться с такими, как мы. Так что, как ни поверни, ничего другого не остаётся — только смириться!»

Для Анриетты такое положение дел было столь же непреложным, как и то, что её собственная участь — быть покорной мужу. Ей даже в голову не приходило задаться вопросом: как же так, неужели, такой порядок, и в самом деле, угоден всемилостивому и справедливому

Богу — с одной стороны, вседозволенность власть имущих, с другой, — безответность тех, кто от них зависит?

Страх и покорность являлись неотъемлемой частью их существования, пронизывая все клетки общества, снизу и до самого верха. Какое значение имели чьи-то там чувства, если мало чего стоила сама человеческая жизнь?!

Сколько Анриетта себя помнила, так было всегда. Жёсткая и жестокая по сути своей иерархия превращала крупного феодала в раба королей и принцев, целиком зависимого от милости своего сюзерена и совершенно бесправного перед его своеволием. А знать тешила собственную спесь, в свою очередь, нещадно тираня своих менее родовитых вассалов. Что же могло быть естественней, чем безраздельное господство последних над их абсолютно беззащитными рабами-сервами?

И её муж — такой же, как все. Не хуже и не лучше других!

Вот их сеньор потешился, прилюдно посмеявшись над ними, хотя, будь барон помоложе, вряд ли даже герцог решился бы на подобную выходку. По крайней мере, открыто. А старого дворянина, всё ещё хранившего верность королю Франции, и защитить некому!

Что ж удивляться тому, что, вынужденный мириться с унижением, озлобившийся на весь свет барон не ведает жалости к тем, кто, в свою очередь, находится в полной его власти?

Анриетте, которой с колыбели прививали привычку к послушанию, такой порядок казался извечным и незыблемым. Разве не об этом гласит Святое Писание: «*Жёны, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены*»?[5] В своей искренней убеждённости в том, что иначе и быть не может, она, как примерная христианка, склонна была в чём-то даже оправдывать бессердечие мужа, вопреки собственным обидам и страху перед ним!..

* * * * *

Надо признать, судьба, и в самом деле, не баловала барона, оставив ему в наследство лишь жалкие крохи былого богатства и горечь сожалений о славных временах, когда его род обладал могуществом и пользовался уважением. Не так давно его семье принадлежало едва ли не вдесятеро больше земель. Поначалу несколько разорительных безурожайных лет, потом нескончаемая война вконец обескровили всю округу, кусок за куском отгрызая самые жирные наделы от некогда обширных угодий. Скудных доходов от полуразорённых крестьянских хозяйств едва хватало на поддержание жалкого подобия прежнего достатка.

В довершение всего, как только молодой наследник достиг нужного возраста, пришло время заплатить «налог кровью» — поступить на военную службу, как того требовало вассальное обязательство дворян перед королём.

Пришлось забрать с собой и вооружить часть сервов, что ещё больше усугубило положение, лишив хозяйство части рабочих рук.

Вернувшись домой после ранения, молодой барон женился. И года не прошло, как стал отцом.

Но вскоре в замке, в котором выросло несколько поколений его предков, случился страшный пожар. Семье пришлось переселиться в поместье одного из разорившихся арендаторов, ставшее отныне господским имением.

Не вынеся очередного удара судьбы, отец барона умер. Молодой барон унаследовал приходившую в упадок фамильную вотчину.

Обугленные развалины замка зловеще чернели на вершине холма безмолвным напоминанием о былом величии.

Новый хозяин прилагал титанические усилия, чтобы поднять хозяйство, а со временем и восстановить родовое гнездо. Если бы не война!

---

[5] Послание апостола Павла Ефесянам (Ефес. 5:22, 23).

Трудности, казалось, только дразнили барона, заставляя ещё выше держать голову, пока фортуна окончательно не отвернулась от него, отняв самое дорогое…

Подросли дети: два сына и две дочери ребёнок Эльзы, которого растили вместе с законнорождёнными детьми барона, к тому времени уже умер. Отец гордился ими, уповая на то, что придёт время, и сыновья вернут блеск родовому гербу…

Младший сын совсем юным погиб на охоте на глазах отца, упав с коня прямо на клыки разъярённого вепря. Старший, выплачивая вслед за отцом «налог кровью», не вернулся из очередного военного похода. А дочерей унесла чёрная оспа.

Жена барона, не перенеся смерти всех своих детей, вскоре тихо угасла.

Выдержав положенный траур, барон женился во второй раз. Но злой рок уже простёр над его домом свои зловещие крылья: молодая жена, одного за другим, родила двух мёртвых младенцев, а с третьим умерла в родах.

Барон снова остался один.

Несколько лет вдовец провёл в угрюмом одиночестве, отгородившись от мира, с тупым безразличием наблюдая, как всё, что он с таким трудом поддерживал, продолжает приходить в упадок. Трагические утраты высосали из него жизнь, превратив крепкого и гордого рыцаря в старика. И без того суровое сердце окончательно ожесточилось.

В один из холодных зимних вечеров, глядя на тлеющие угли почти погасшего очага, он вдруг живо представил себе, как после его смерти стервятники слетятся, чтобы растащить остатки фамильного состояния, и по-настоящему испугался. С ужасающей очевидностью осознав приближение призрака небытия из-за того, что некому передать ни титул и земли, ни былую славу его рода, барон решил жениться в третий раз.

Выбор пал на дочь одного из дальних соседей — мелкого дворянина, хозяина крошечного ленного владения и отца восьмерых детей, в том числе, пяти дочек. Не имея ни малейшей надежды обеспечить дочерей приданым, отец готов был выдать их замуж за первого же, кто посватается. В противном случае их ожидал монастырь, хотя и на это нужны были деньги, притом, немалые. Поэтому, когда сосед-барон, прельстившись красотой пятнадцатилетней Анриетты, а, главное, плодовитостью их семейства, попросил её руки, родители, ни минуты не колеблясь, отдали дочь ему в жены.

Поначалу отношение новоиспечённой баронессы к супругу представляло собой странную смесь робости, почтения и даже жалости. Но постепенно вся эта смешанная гамма чувств стала вытесняться страхом сделать что-нибудь не так, совершить какую-нибудь ошибку и навлечь, тем самым, на себя гнев мужа. А ещё…

Исполнение супружеского долга, бесспорно, — святая обязанность жены. Но, как же это отвратительно! Чувство брезгливости нарастало с каждой ночью, проведённой в объятиях супруга.

Потом пришёл настоящий страх. Слишком часто Анриетте приходилось сносить причуды и капризы старика, то и дело ранившего её своим бессердечием. Порой он становился и вовсе невыносимым. И молодая жена всё реже жалела супруга, всё чаще сжималась от ужаса, временами ненавидела. Но это была безропотная, молчаливая ненависть воспитанного в покорности существа.

Вот уже более двух лет, как Анриетта стала баронессой. Когда-то она дивилась поместью, казавшемуся ей таким огромным! Даже, несмотря на невзгоды последних лет, усадьба барона была всё же богаче убогого имения её родителей. Она по-детски радовалась, представляя, что будет здесь полновластной хозяйкой!

Но радость её сильно поблекла, когда стало ясно, что барону от неё нужно только одно — наследник.

Увы, поздно, слишком поздно появилась она в жизни супруга! Его немощь оказалась сильней желания стать отцом. Только сам он никак не желал этого признавать.

Но… на всё воля Божья! Если бы Господу было угодно, он давно послал бы им ребёночка…

* * * * *

«Неужели он, наконец, смирился?» — с робкой надеждой гадала Анриетта, проведя вторую ночь в одиночестве.

Прошло ещё несколько дней.

Супруг ни разу больше не нарушил уединения своей молодой жены и, что самое удивительное, как будто, и в самом деле, успокоился.

Чтобы не дать увянуть хрупкому ростку согласия и покоя, неожиданно проросшему в их доме, Анриетта всячески старалась угодить мужу. Ей не приходилось даже делать над собой усилие, чтобы выглядеть радушной. Улыбка снова вернулась на её лицо.

Челядь тоже вздохнула с облегчением: тучи, как будто, рассеялись.

Как оказалось, радость была преждевременной…

* * * * *

…Не прошло и недели, как поместье вновь погрузилось в трясину страха.

В один из вечеров, когда супруги уже заканчивали ужинать, в конюшне вспыхнул пожар.

Неприятность, как выяснилось позже, случилась из-за недосмотра молодого конюха, который заигрался где-то в закутке с одной из служанок.

Пожар быстро потушили. К счастью, огонь не успел причинить сколько-нибудь значительного ущерба: сгорело лишь несколько охапок соломы, да немного обгорели брусья, отгораживающие пустующее стойло. Лошади, хоть и были напуганы, но не пострадали.

Но барона, казавшегося в последнее время таким благодушным, это происшествие вывело из себя. Он велел тут же на месте пороть виновного, изъявив желание лично присутствовать при экзекуции.

Все чаяния молодой баронессы на покой в доме рухнули в одночасье, заставив остро ощутить собственную беспомощность.

Убедившись, что пожар благополучно погашен, Анриетта поспешила покинуть конюшню. Она так и не смогла привыкнуть к свисту плётки и воплям наказуемых. Но, зная по опыту, что в такие моменты просить мужа о снисхождении — напрасная трата сил, ушла к себе и наглухо затворила ставни, чтобы хоть немного приглушить крики истязаемого.

Только спокойней на душе от этого не стало. Анриетта то сидела, будто окаменев, то металась по комнате. Она старалась гнать от себя мысли о том, что сейчас происходит там, в дальнем конце двора. Но жестокая сцена неотвязно стояла перед глазами.

Но вот что встревожило её больше всего: супруг не выглядел таким уж разгневанным, как можно было ожидать. Более того, Анриетта готова была поклясться, что его лицо выражало какое-то нездоровое удовлетворение, когда он узнал о пожаре. Как будто только и ждал или искал повод, чтоб на ком-то сорваться.

Страдания других, похоже, и впрямь, доставляют ему наслаждение…

«Всё, всё начинается сначала! Он неисправим, безжалостен! Нет такой силы, которая способна была бы смягчить его сердце. У него нет ни капли сочувствия к тем, кто вверен его попечению. Но ведь это — не по-божески! Господь призывает к милосердию. К тому же, разве не следует беречь своих сервов, как, например, бережём мы скот и остальное своё добро?»

Забравшись под одеяло, она с ужасом ожидала, когда раздадутся за дверью знакомые шаркающие шаги. Анриетта по опыту знала, что пытки действуют на барона возбуждающе, пробуждая на время его угасший пыл.

Значит, ей снова придётся терпеть «нежности», при одном воспоминании о которых её начинала бить дрожь.

Мысль об этом казалась нестерпимой. Особенно теперь, когда она уже готова была поверить, что всё, наконец, встало на свои места, и барон больше не будет требовать от неё невоз-

можного. Впервые в жизни Анриетта чувствовала, как глубоко внутри зреет протест. Прежде она и вообразить не могла, что может не сдержаться и оттолкнуть ненавистного старика. Но сегодня…

Однако, и этой ночью её муж не пришёл.

«Боже Милосердный, мои молитвы услышаны, и Его милость действительно оставил меня в покое?! Стало быть, он удовлетворился, сорвав злость на провинившемся?»

Ещё какое-то время Анриетта насторожено вслушивалась в тишину. Ей показалось или она слышала, как её муж проследовал в свою спальню?

Подождала ещё немного.

Как тихо! Наверное, уже спит…

– Благодарю тебя, Господи! Прошу, сделай так, чтобы он больше не приходил. Никогда!

Почему же она не чувствовала облегчения? Что-то продолжало тревожить, не отпускало, мешая поверить в то, что её муки, наконец, закончились.

– Господь милосердный, прости мне такие недостойные мысли! — спохватилась она, вспомнив, что её собственный покой вовсе не означает покоя в доме.

Усадьба давно погрузилась в глубокий сон, который не могли нарушить даже привычные ночные звуки: ни лай собак, ни редкий крик болотной выпи или уханье совы, вылетевшей на охоту. А Анриетте всё не спалось. Непонятное беспокойство не покидало её, заставляя ворочаться в постели.

Внезапно полночную тишину разорвал леденящий душу нескончаемый вопль.

В ответ в надрывном лае зашлись собаки.

Анриетта резко подхватилась и села на постели, прислушиваясь.

Истошный крик перешёл в захлёбывающийся вой, в котором не было ничего человеческого.

Девушка оцепенела от страха. По спине поползла холодная струйка пота. Она почувствовала даже, как зашевелились волосы у неё на голове. …

Но жуткий вой оборвался так же внезапно, как и начался. Через несколько минут стих и лай собак. Больше ни единый звук не нарушал безмолвия ночи.

Первым порывом Анриетты было — бежать… Бежать туда, в непроглядную черноту ночи, чтобы немедля узнать, что же это такое было. Бежать, бежать, бежать… только бы избавиться от мучительной неизвестности, от сковавшего её ледяного ужаса. Но сил не было даже с постели подняться. Только сердце продолжало бешено колотиться.

Быть может, страх узнать правду оказался сильнее страха неведения?..

Теперь-то уж Анриетта окончательно лишилась сна. Полночи она так и просидела, съёжившись под одеялом, уставившись широко открытыми глазами в темноту.

Под утро по ставням забарабанил дождь.

Мерное постукивание капель убаюкивало. Мрак за окном уже стал рассеиваться, когда ей удалось ненадолго забыться зыбким тревожным сном…

Проснулась она, разбуженная привычными звуками пробуждающегося дома, чувствуя себя совершенно разбитой: её знобило, глаза будто песком запорошило… О еде даже думать не хотелось! Но, не смея нарушить заведённый порядок, тем более, сейчас, когда её муж снова впал в неистовство, Анриетта заставила себя спуститься к завтраку.

Привыкнув большей частью обходиться без горничной, она быстро оделась, кое-как привела в порядок волосы и шагнула в полутёмную галерею верхнего этажа, куда выходили двери их с мужем покоев. Здесь же находилось ещё несколько комнат, пустовавших с тех самых пор, как барон потерял свою первую семью.

Галерея с двух сторон опоясывала большой зал, который был центром всего дома. Это просторное помещение с голыми каменными стенами и закопчёнными пламенем факелов деревянными стропилами служило им трапезной. Здесь, возле жаркого очага, они коротали

долгие зимние вечера. Конечно, ни своими размерами, ни скромной обстановкой это помещение не могло соперничать с грандиозным пиршественным залом в сгоревшем родовом замке барона! Но в прежние, более счастливые времена тут тоже, бывало, шумели пиры, на которые съезжалось немало гостей со всей округи. Правда, было это задолго до того, как здесь появилась Анриетта.

Перегнувшись через перила, молодая женщина заглянула вниз — на месте ли муж? Он не любил, когда она задерживалась, а ей сейчас меньше всего хотелось бы вызвать его раздражение.

К счастью, барона ещё не было. Только помощница кухарки, обычно прислуживавшая господам за трапезой, сновала из кухни в зал и обратно, накрывая на стол.

Вздохнув с облегчением, Анриетта спустилась вниз. Служанка, рослая девушка с открытым простоватым лицом и крупными мужскими руками, увидев хозяйку, сделала неуклюжий реверанс и снова скрылась в кухне.

В ясные дни солнце заглядывало в зал сквозь узкие прорези окон, рассекая полумрак полосками света, в которых причудливой дымкой клубились пылинки. Это было главное помещение в доме, в котором окна имели остекление из небольших пластинок мутноватого стекла — достаточно дорогое по тем временам удовольствие. Но сегодня дождливым осенним утром скудный свет с трудом пробивался сквозь стекла, по которым струились слёзы дождя, отчего большой зал выглядел унылым и неприветливым. Только пламя в огромном очаге немного оживляло мрачноватое помещение.

Анриетта зябко поёжилась и протянула руки к огню. Пламя приятно согревало, жар покусывал щёки. Когда-то, когда здесь за столом собиралось по нескольку десятков гостей, в этом очаге зажаривали целого кабана. Развешанной вокруг очага объёмной медной посудой давно уже никто не пользовался. Но барон требовал регулярно её чистить. Котлы и сковороды были отполированы до блеска, словно ждали, что в доме вот-вот появятся гости, вновь зазвучат песни и смех. Однако массивный дубовый стол, за которым свободно могли разместиться человек тридцать, теперь редко накрывали больше, чем на две персоны.

Служанка поставила на стол корзинку, накрытую салфеткой, и доложила хозяйке, что всё готово.

Потянуло ароматом свежеиспечённого хлеба. Анриетта внезапно почувствовала, что голодна. С удовольствием отломила бы сейчас румяную хрустящую корочку. Но не успела она подумать об этом, как с галереи донёсся шум. На лестнице показалась высокая фигура, закутанная, как обычно, в тёплый плащ. Ступеньки заскрипели под тяжёлыми шагами барона.

Велев служанке подавать, молодая баронесса поспешила поприветствовать мужа.

Когда барон, покряхтывая, устроился в кресле с высокой резной спинкой во главе стола, Анриетта, стараясь производить как можно меньше шума, заняла своё место на противоположном его торце. Она то и дело бросала украдкой взгляд на мужа, пытаясь угадать его настроение. Однако барон не выказывал ни малейших признаков вчерашнего раздражения. Скорее даже наоборот, выглядел на редкость умиротворённым.

Анриетта была озадачена: обычно, разошедшись, её супруг подолгу не мог успокоиться, срывая злость на любом, кто попадал под руку, — вспомнить, хотя бы их последнюю поездку в Аррас! Но вчерашнее происшествие, похоже, не слишком огорчило его. Всё-таки пожар! Могла ведь сгореть вся конюшня и, не приведи Господь, вместе с лошадьми! Тем более, что в своё время именно пожар стал началом целой череды бед, подкосивших его. Но, нет! Ни слова о вчерашних волнениях…

Приступая к третьему блюду, барон, как ни в чём не бывало, завёл разговор о хозяйственных делах.

«Странно! Это так не похоже на него… Страшно подумать, что только экзекуции и боль, причиняемая другим, приводят его в столь благостное расположение духа!» — от этой мысли стало ещё горше.

Служанка принесла в горшочке аппетитно благоухающий паштет. Но Анриетте окончательно расхотелось есть.

Улучив подходящий момент, когда барон, насытившись, с довольным видом откинулся на спинку стула, она решилась, наконец, задать вопрос, всё это время не дававший ей покоя: что за крики испугали её поздней ночью?

Как оказалось, барон крепко спал и ничего такого не слышал.

Анриетта даже не успела высказать своё удивление. Её отвлекло досадное недоразумение: служанка, наливая в кубок хозяйки воду, чуть подкислённую вином, умудрилась пролить её на стол. Немного красноватой жидкости попало и на платье Анриетты.

Какая досада! Взглянув с укоризной на неловкую девицу, она уже хотела отчитать её, но та подняла на хозяйку такой испуганный взгляд, что молодая баронесса осеклась: не хватало ещё, чтобы барон наказал и эту бедняжку!

К счастью, её муж ничего не заметил. Он сидел достаточно далеко, к тому же, его внимание в это время привлёк очаг, который стал, по его мнению, слишком дымить. Хотя, готовясь к зиме, все дымоходы старательно прочистили, Анриетта поспешила заверить, что сегодня же велит почистить его заново.

После завтрака барон покинул обеденный зал, чтобы самолично обойти дворовые службы. Анриетта же направилась на кухню отдать распоряжения насчёт обеда, а заодно узнать, где Эльза, чтобы поручить ей заняться дымоходом.

Она уже взялась рукой за кольцо кухонной двери, собираясь войти, но тут до её слуха донеслись возбуждённые голоса кухарки Полетты и девушки, только что прислуживавшей за столом.

Служанка плакала.

Движимая естественным любопытством, молодая хозяйка прислушалась. Прерываемый всхлипываниями одной и горестными вздохами другой, разговор шёл о вчерашнем происшествии. То, что услышала Анриетта, буквально пригвоздило её к месту. Оказывается, после экзекуции хозяин велел отрезать конюху язык, «*чтобы неповадно было с девками болтать*». А тут ещё «*эта чертовка*» Эльза женщины явно не жаловали суровую экономку!, явившись с утра пораньше на кухню, заявила, что это — всем в назидание, чтобы не забывали о своих обязанностях. А потом отправилась на конюшню лично проверить, не отдал ли бедняга за ночь богу душу.

– Ведьма бесчувственная! — подвела итог кухарка.

Анриетта прислонилась к дверному косяку, не в силах двинуться с места. Во рту появился омерзительный металлический привкус. Слабость сковала тело.

Теперь понятно, что за крик она слышала ночью!

Добравшись на ватных ногах до своей комнаты, молодая женщина рухнула на колени перед стоявшей в нише деревянной статуэткой Пречистой Девы.

– Ну, почему?! Почему?! Какая чудовищная, неоправданная жестокость! Яви милосердие своё, Заступница, защити нас, научи, как смягчить его сердце! Да разве ж его смягчишь? Он безумен! Прости меня, Господи, мне следует уважать своего мужа, я же его боюсь — страшно даже представить, на что он способен!..

* * * * *

С первых дней жизни страх был знаком Анриетте лучше любого другого чувства, данного человеку Богом. И хотя сейчас они жили в период относительного затишья, всё вокруг напоминало о тех недавних временах, когда окрестные деревни пылали в пожаре войны, этой ужасной нескончаемой войны между французами, бургундцами и англичанами, войны, кото-

рую потомки назовут Столетней. Тогда ещё никто не знал, что несколько спокойных лет — лишь временная передышка, что впереди — новые слёзы, боль и страх.

Сто лет непрерывного страха!

Люди ловили каждый короткий миг между накатывавшимися волнами войны, чтобы восстановить свои хозяйства, снова и снова пытаясь выжить.

Но даже эти дни шаткого мира захлёбывались болью, слезами, насилием и жестокостью. Страх стал неизбежным спутником жизни. То и дело кто-нибудь приносил известие об очередном нападении шайки грабителей, которые, как шакалы, рыскали по деревням, растаскивая и сметая на своём пути то, что не успела унести война. Ложась спать, люди молились, чтобы ночь не принесла непрошеных гостей.

Не меньший ужас внушала «чёрная смерть» — вездесущая чума. Неизменная спутница войны, она вползала в дома тихо и незаметно, но опустошала почище войны и мародёров.

Даже Церковь, главная опора и убежище страждущих, не давала вожделенного утешения. Служители Божьи не скупились на мрачные краски, живописуя картины грядущего уже в ближайшее время Страшного Суда и ужасы ожидающих грешников адских мук. И без того запуганным людям без устали твердили, что война и чума — это кара за их грехи.

В страхе озираясь по сторонам, люди шептались об очередном процессе инквизиции, зловещая неумолимая тень которой распростёрлась над Божьим миром. Беспредельная власть инквизиторов, данная им самим Господом Иисусом (во всяком случае, так утверждала Церковь!), священна! Ведь инквизиция борется с врагами веры, с приспешниками Дьявола, заслуживающими, конечно же, самой жестокой кары. Дьявол хитёр и непредсказуем, он проникает в любые щели, подкарауливает свои жертвы за каждым углом, даже в их собственной постели. Анриетта, конечно же, — добрая христианка, но Дьявол подчас расставляет такие ловушки, что можно попасть в них и, не желая того. Потому-то «псы Господни»[6] в любую минуту могли постучать и в твою дверь…

Почему же, спрашивала себя Анриетта, даже самые близкие люди оказываются порой свирепей чумы, безжалостней бандитов, суровей инквизиции? Разве слугу, нечаянно испачкавшего сапоги хозяина навозом, или конюха, по недосмотру которого сгорело несколько охапок соломы, следует наказывать так же жестоко, как проклятых еретиков или отвратительных ведьм, продавших Дьяволу свои бессмертные души?

А как же милосердие, к которому призывает Господь?! Наверняка, сердца Господа Иисуса и Матери Божьей там, на небе, обливаются такими же горючими слезами, как и её сердце?

Печальными нарисованными глазами смотрело на Анриетту деревянное изваяние.

«Неужто, никто и ничто не в силах смягчить лютый нрав моего мужа? Разве что, чудо. Или же…» — Анриетта испуганно перекрестилась, ужаснувшись собственным мыслям.

Нет, она не станет желать мужу смерти — это грех, большой грех! Но ведь когда-нибудь всё должно будет кончиться! Конечно, всё в руках Божьих, но барон — старик… Когда-нибудь ведь придёт конец её мучениям?

Хотя, кто знает?! Несмотря на возраст и нараставшую немощь, барон казался ей таким живучим! И куда выносливей многих своих сервов.

Анриетта снова попросила у Бога прощения, ведь подобные мысли уже не в первый раз посещали её…

Работы по подготовке к зиме в целом были завершены. Дни становились короче и холодней. Затяжные дожди иногда по несколько дней не позволяли высунуть без надобности нос

[6] «Псами Господними» называли себя монахи ордена Св. Доминика, специально созданного Католической Церковью для выявления и разоблачения еретиков. Название «доминиканцы» созвучно с «Domini canes» (лат. — псы Бога).

во двор. Люди большую часть времени отсыпались, согреваясь в своих углах после привычных каждодневных хлопот. Жизнь как будто замедлилась. Всё вокруг — и природа, и люди, и животные понуро ожидали прихода зимы, которая на пять долгих месяцев установит свои суровые законы.

И она наступила. И, как всегда, совершенно неожиданно. Просто однажды утром люди встали и увидели покрытый тонким белым ковром двор. Снежное безбрежье полей за стенами усадьбы преобразило ещё вчера унылый серо-чёрный пейзаж.

Первые зимние дни принесли ощущение чистоты и обновления. Жизнь в усадьбе на короткое время оживилась. Детишки наслаждались снегом, нечасто баловавшим обитателей этих краёв. Даже лёгкий морозец их не пугал. Но и тем, кто давно вышел из детского возраста, тяжело было удержаться, чтоб не кинуть снежком друг в друга, а то и сунуть за шиворот горсть снега.

Но, когда первый снег растаял, и вновь зачастили более привычные для местной зимы дожди, уныло потянулась бесконечная череда ветреных промозглых дней. Люди, обмотавшись, кто чем, старались побыстрей управиться с делами на подворье, чтобы снова укрыться под защитой толстых стен, поближе к доброму, несущему жизнь огню очага.

Теперь Анриетта практически не покидала дома. Пока позволял дневной свет, она вместе с другими женщинами старалась переделать обычные домашние дела. Когда же домом овладевала тягучая скука долгих однообразных вечеров, а служанки, собравшись на кухне, сучили пряжу, вязали, скручивали фитили для масляных ламп, госпожа возобновила работу над покрывалом для статуи Девы Марии, которое начала вышивать серебряной нитью ещё в прошлом году. Она намеревалась преподнести его в дар соседнему монастырю в надежде, что Божья Матерь услышит, наконец, её молитвы. Но потом как-то так получилось, что работу забросила.

Эльза, которую первая жена барона научила вышивать, предложила хозяйке свою помощь, но Анриетта категорически отказалась. На это своё подношение молодая женщина возлагала большие надежды. Она непременно хотела сделать всю работу собственными руками, уповая на то, что Пречистая примет её дар и не оставит отныне своим покровительством. И, кроме того, её отношение к экономке стало в последнее время заметно прохладней. После того случая с конюхом госпожа с трудом выносила присутствие непробиваемой немки.

После ужина, когда барон устраивался в любимом кресле напротив очага, чтобы подремать после еды, а слуги разбредались по своим углам, Анриетта тоже усаживалась поближе к очагу (здесь было светлей), чтобы продолжить своё рукоделие. Правда, ей то и дело приходилось отрываться от работы, чтобы растереть мужу руки и ноги, потому что он постоянно мёрз и сильнее, чем летом, страдал от подагры.

К сожалению, она не успевала завершить покров к празднику Введения во храм Богородицы, до которого оставалось меньше месяца, и который почитался женщинами, как имеющий особую силу для дел семейных. Но она приложит все усилия, чтобы успеть к 1 января — Дню Торжества Пресвятой Богородицы.

В один из таких вечеров Анриетта сидела, как обычно, у ног барона на медвежьей шкуре, брошенной на пол. Барон мёрз, а ей было жарко. Он зябко кутался в меха, а её лицо раскраснелось от обжигающей близости огня. Её разморило, вышивание выпало из рук. Она с удовольствием ушла бы в свою комнату, но не смела, пока муж был здесь.

Возле барона обычно крутились две старые охотничьи собаки, с которыми уже давно никто не охотился, и которые были, пожалуй, единственными, кроме, конечно, лошадей, кто пользовался неизменными любовью и вниманием хозяина. Иногда, когда барон был в добром расположении духа (правда, случалось это нечасто), они даже допускались ночью в его покои. Хотя большей частью спали в зале, греясь возле остывающего очага.

Одна из собак устроилась рядом с Анриеттой, положив морду ей на колени. Молодая женщина машинально гладила животное по голове, изо всех сил борясь со сном.

– Мадам! — вывел её из полудрёмы резкий голос мужа.

Анриетта встрепенулась. Отбросив назад упавшие на лицо пряди растрепавшихся волос, которые, находясь дома, не было нужды прятать под чепец, она устремила на мужа выжидающий взгляд.

Но он на неё не глядел. Его немигающие глаза были прикованы к огню. Отблески пламени плясали на выдубленном временем лице, неуловимо меняя рисунок избороздивших его глубоких морщин.

Молодой женщине внезапно почудилось, что это — и не лицо вовсе, а зловещая кривляющаяся маска, непрерывно меняющая выражение, что странно контрастировало с неподвижной остекленелостью выцветших глаз.

– Мадам, — маска, даже не повернувшись в её сторону, заговорила, почти не шевеля губами, — я нашёл выход…

Анриетта ждала. Что-то насторожило её в тоне, каким обратился к ней супруг. Хотя… может, ей просто спросонья показалось, что голос его прозвучал как-то уж слишком торжественно?

– Надеюсь, вы хорошо помните историю Авраама, Сары и Агари? — наконец продолжил барон.

Анриетта недоумённо вздёрнула брови, не понимая, к чему он клонит.

– Когда Сара не могла дать своему супругу наследника, — чётко и размеренно выговаривал каждое слово барон, — она привела Аврааму наложницу.

Молодая женщина онемела. Неужели её муж всерьёз считает, что дело в ней, а не в нём? И он собирается найти ей замену?..

Откровенное недоумение отразилось на её лице.

Но барон, не давая ей опомниться, всё так же оцепенело уставившись на пламя, невозмутимо продолжал:

– Так вот, в одном из моих сервов течёт кровь нашего рода. Он — плод юношеских шалостей моего покойного сына… Но, хоть он и бастард, он — носитель нашей крови. Понимаете? Моей крови!

Анриетта всё ещё не пришла в себя, но, кажется, уже начала догадываться, в чём дело:

«Так значит, мой муж решил сделать наследником своего незаконнорождённого внука?! Что ж…»

Но она не успела вдуматься, как следует, чем это лично для неё чревато, как барон скороговоркой выпалил:

– Мадам, вы родите мне от него сына!

Если бы молния ударила в кресло, и муж её взвился столбом пламени, это, наверное, потрясло бы Анриетту меньше, чем то, что она услышала.

Рот её приоткрылся. С губ, казалось, вот-вот сорвётся вопрос. Но она так и не издала ни звука, только, как рыба, вытащенная из воды, хватала ртом воздух.

Сообщив своё безумное решение, барон, наконец, прервал созерцание пламени и перевёл взгляд на оцепеневшую у его ног молодую женщину. Его узкие губы искривились в змеиной улыбке.

– Вы, конечно же, подумали, что я собираюсь сделать его своим наследником? — он скрипуче засмеялся. — Но этого не будет. Нет! Чтобы это ничтожество представляло один из славнейших родов? Никогда!!! Я сам воспитаю того, кто будет достоин называться моим именем! Это должен быть МОЙ сын!

В гробовой тишине Анриетте казалось, что слышно биение её сердца.

– Надеюсь, мадам, — продолжил барон после небольшой паузы, — излишне напоминать Вам, что всё должно держаться в тайне? Строжайшей тайне!!! — он сделал особый акцент на слове «строжайшей».

– То есть, к-к-как это — родить? — смогла, наконец, несколько запоздало выдавить из себя потрясённая Анриетта.

– Как, как?! — барон начал выходить из себя: слишком уж затягивалось это её непонимание. — Как все рожают! Будете рожать до тех пор, пока не родите мне наследника! Сына! Слышите?! Мне нужен сын!

– Но это… невозможно!!!

Анриетта отказывалась поверить в реальность происходящего.

– Почему же это невозможно?! Оч-чень, оч-чень даже возможно! В его жилах течёт кровь моего рода! А вот вас, душечка, я и взял только лишь потому, что семейство ваше отличается отменной плодовитостью. Иначе грош цена была бы вам с вашим «роскошным приданым»! Господу угодно было лишить меня мужской силы, но я не допущу, чтобы мой род угас. Не допущу! Слышите?!

В голосе барона послышались истерические нотки. Издевательский поначалу тон, в котором насмешка сплелась с бессильной яростью и стыдом за своё вынужденное унижение, едва не сорвался на визг.

Но он быстро взял себя в руки, спрятавшись за спасительным сарказмом:

– А что, собственно, Вас так беспокоит, мадам? Вас же оплодотворит человек, в котором течёт самая, что ни на есть, благородная кровь!

Комната поплыла перед глазами молодой женщины. Страх и отвращение объяли всё её существо.

Да её муж попросту выжил из ума! То, что он требует от неё, — чудовищно и омерзительно! Не может же он, в самом деле, предлагать ей это всерьёз?!

Анриетта попыталась заглянуть в глаза барона, надеясь уловить в них хоть какой-то намёк на то, что он шутит.

А, может, он просто испытывает её?

Внезапно, совершенно неожиданно для себя, Анриетта осознала, как несчастен этот старый уставший человек. С потрясшей её очевидностью она буквально нутром почувствовала, каких усилий стоило ему, надменному гордецу, прийти к подобному решению. И, невзирая на собственные обиды и бесконечные унижения, острая жалость пронзила ей сердце.

Да ведь он же просто нуждается в сострадании! Может, сострадание — это как раз то, что может смягчить его?

Руки сами собой сложились в молитвенный жест, обращённый к мужу, взывая к его благоразумию:

– Не может быть, Ваша милость, чтобы Вы, и в самом деле, решили сделать такое! Вы же — благородный человек! Вы говорите это просто от отчаяния!

– Дело — решённое, мадам! — барон с усилием выпрямил негнущуюся спину. — Вы принесёте мне сына или я вышвырну вас вон!

– Но я не стану этого делать! — вскричала Анриетта, впервые за годы супружества повысив голос. — Я — Ваша супруга перед Богом и людьми! Это же грех!!!

– Аврааму Бог простил, — ледяным тоном возразил барон, — и нам простит! Это — куда меньший грех, чем позволить прерваться благородному роду. Так что, это прегрешение Господь уж как-нибудь стерпит!

Анриетта нашла, наконец, в себе силы, чтобы подняться.

Потревоженный пёс недовольно заворчал.

Будь здесь в этот момент художник, в молодой женщине с пылающим от жара и гнева лицом, разметавшимися по плечам медными волосами, в отблесках пламени казавшимися огненными, он увидел бы прекрасную языческую богиню.

– Нет! Я не могу, понимаете! И не стану! Ни за что, ни за что! Ни за что!

Она повторяла эти слова, как заклинание, словно пыталась воздвигнуть из них стену, которой могла бы отгородиться от ужасающей действительности.

– А Вас никто и не спрашивает! — отрезал барон.

Он чувствовал себя хозяином положения. За своё унижение он теперь отыгрывался, упиваясь своей безграничной над нею властью.

– По-видимому, Вы запамятовали, мадам, что являетесь моей собственностью? Так вот, Вы будете делать всё, что я велю! Всё!!! Слышите? А не то…

Он не договорил, но Анриетта и без того достаточно хорошо усвоила, на что способен её супруг в гневе.

– Всё! Вы утомили меня. Ступайте к себе и молитесь, чтобы Господь помог Вам поскорей исполнить свой долг перед славным родом, к которому Вам выпала честь принадлежать. И не забывайте: именно для этого я взял Вас, нищенку, в жёны! Я извещу Вас, когда Вы должны быть готовы. А теперь ступайте, — уже с нескрываемым раздражением махнул он рукой, — я не желаю больше Вас видеть!

Анриетта сжала пальцами виски, пытаясь унять бешеную пульсацию крови, и, пошатываясь, покинула залу, направляясь наверх.

Невозможно передать охватившее её смятение. Разве в такое можно было поверить? Муж, данный ей Богом, сам, по своей воле(!) принуждает её к отвратительному греху, к прелюбодеянию! И это тот, кто держал её взаперти на протяжении всего замужества, сторожевым псом следя за каждым её шагом?! Разве не он закрыл двери своего дома для гостей и подозрительно косился на любого, кто, как ему казалось, бросает на его жену фривольные взгляды, будь-то на улице, в харчевне или в храме?! И вот теперь он сам отдаёт её другому, собирается использовать её, свою жену, баронессу(!), как племенную кобылу на расплод?!

Анриетта задыхалась от возмущения, стыда и собственного бессилия.

Как и всякая девушка благородных кровей, она была воспитана в христианских традициях понимания добродетели.

О, лицемерное противоречивое время, пронизанное фанатичным благочестием одних и грубыми животными инстинктами других! Благородство происхождения вполне уживалось с самыми примитивными сторонами человеческого бытия. Хозяева родовых замков и их слуги, люди и домашние животные жили бок о бок, зачинались, рождались, трудились и умирали на глазах у всех. И не было, да и не могло быть, тайн в этой единой для всех повседневности. В ней жили, с ней срастались кожей, как с одеждой, которую донашивали до дыр, не замечая её ветхости и убогости. С малых лет обитатели поместий, будь-то господские отпрыски или сопливые золотушные ребятишки самого жалкого из сервов, узнавали жизнь во всех её проявлениях. Они рано начинали вкушать её тяготы и примитивные радости, не особо мучаясь дилеммой: хорошо это или плохо? Слава Богу, всегда находился тот, кто решал за тебя, что для тебя хорошо, а что — нет: отец, священник, муж, сеньор…

И только к благородным девицам было особое отношение и особые требования.

Это девчонки-простолюдинки, едва достигнув двенадцати-тринадцати лет, а то и раньше, заваливались где-нибудь на сеновале со своими сверстниками или ублажали в постели хозяина, с незапамятных времён сохранявшего «право первой ночи». А дворянские дочери обязаны были беречь свой «бутон юности и невинности», как называли трубадуры главное их сокровище. Целомудренность их ценилась, была капиталом, достоянием семьи, их непорочность ревностно оберегалась до того самого порога, за которым начиналась семейная жизнь. А там

уже на пост защиты целомудрия заступал супруг, получавший у алтаря в собственность и тело, и помыслы, и душу своей избранницы.

Анриетту, несмотря на бедность её семьи, воспитывали, как и подобает женщине её положения. Она хорошо усвоила свои права коих было не так уж и много, но и что гораздо важнее! свои обязанности. В их числе, после, конечно же, почитания Бога, на первом месте стояли послушание мужу и супружеская верность.

Главная добродетель замужней дамы — её… добродетель! Долг жены — беречь незапятнанной свою честь и честь супруга, свято соблюдая завет Всевышнего: «*Не прелюбодействуй!*»

И вот теперь её супруг, которому она благословлена родителями и Господом, сам принуждает её к супружеской неверности! Отдаёт её какому-то слуге, серву, пусть даже с каплей благородной крови в жилах! Отдаёт, как простую служанку, как безгласную рабыню...

Но ведь она — не служанка! Она — благородная дама!

«Ну и что? — сама себя безжалостно одёрнула Анриетта. — Ну и что?! Ты — такая же его собственность, как и любая из женщин, живущих в этом доме. Такая же, даже больше! Твои служанки имеют куда больше возможностей распоряжаться хотя бы своим телом. А ты — его полная, аб-со-лют-на-я собственность до конца дней своих!!!»

Анриетта не выдержала и разрыдалась.

Что ей оставалось? Разве что уповать на ту единственную, которая не могла, не должна была оставить её один на один с этой бедой. К ней, Заступнице, её мольба!

Униженная, растоптанная, Анриетта, захлёбываясь слезами, взмолилась Матери Божьей об утешении и защите.

Но слёзы, пусть даже самые жгучие и обильные, рано или поздно иссякают. А вот душа может кровоточить бесконечно…

* * * * *

…Анриетта приподняла голову, огляделась.

Глаза мучительно резало, как будто их засыпало песком. Она ещё окончательно не пришла в себя и потому не сразу сообразила, что сидит на холодном каменном полу. Тело затекло и окоченело.

Дом был погружен в непроницаемую тишину.

Огонь в очаге погас. Только угли ещё тлели, сохраняя в комнате жалкие остатки тепла.

Анриетта с трудом поднялась с пола, на котором так и уснула в слезах и молитве. Разворошив угли, она раздула огонь и сунула в разгоревшееся пламя пару поленьев из поленницы, которую служанка ежедневно пополняла в углу комнаты.

Озябшее тело с жадностью впитывало желанное тепло.

Немного отогревшись у очага, она юркнула в постель. Но спать уже перехотелось. Закутавшись с головой в одеяло из мягкого и густого бобрового меха, Анриетта свернулась калачиком, подтянув колени почти к самому подбородку и обхватив их руками. Её всё ещё била дрожь.

Мысли сами собой вернулись к состоявшемуся несколько часов назад разговору. Но теперь, выплеснув в слезах отчаяние, охватившее её в первые минуты, Анриетта обрела способность бесстрастно и даже как-то отстранённо, будто речь шла вовсе и не о ней, размышлять о том, как же ей быть.

Сопротивляться, отстаивая свою честь?

Но что она может? Да он попросту её выгонит! Или прикажет связать, и всё равно добьётся своего… силой!

Бежать из этого ненавистного дома, вернуться домой к родителям?

Но они не захотят, да и не посмеют принять её назад. Они с такой радостью пристроили её, избавившись от лишнего рта и хлопот о её будущем, что без колебаний отошлют блудную дочь обратно. Права супруга священны! А когда её вернут к мужу, пощады ей не видать…

Может, попробовать обратиться к кому-нибудь за помощью? Вопрос только: к кому?

К сеньору — герцогу Филиппу? Только как ей признаться в таком позоре?! Вдруг это станет для герцога поводом для очередных насмешек над ней? И, даже, если он примет её сторону, что потом? Вполне вероятно, что Его Светлость не преминёт воспользоваться возможностью насолить упрямому барону. Но, вспомнив его наглое окружение, его издёвки и двусмысленное предложение присоединиться ко двору, Анриетта даже замотала головой. Нет, только не это! Где гарантия, что всевластный сеньор сам не захочет воспользоваться тем, что она — в его руках. В таком случае, какая разница — постель герцога или постель серва? А, если потом, натешившись вдоволь, он всё равно вернёт её мужу?..

Самым правильным было бы признаться духовнику, что муж принуждает её к греху. Священник не имеет права разглашать тайну исповеди, следовательно, можно не бояться позора.

Но, к чему это приведёт? Если даже святой отец по её просьбе попробует повлиять на барона, тот просто-напросто обвинит жену во лжи. А то и, в свою очередь, предъявит обвинение в супружеской неверности. И никто не поверит ей — что стоит слово женщины против слова дворянина? Никакой суд, ни Божий, ни человеческий, не защитит жену, восставшую против мужа. Ведь Церковь требует от жён быть смиренными и не жаловаться на свою долю.

Знай бедняжка, что закон всё же давал право жене подать в суд на развод в случае, если муж несостоятелен в постели, осмелилась бы она на это? Ведь обвинённый должен был доказать свою мужскую состоятельность по отношению к супруге. Прилюдно(!) — в присутствии судей, священников и зрителей. Пошла бы она на такое, чтобы обрести свободу, а вместе с ней нищету и позор, который преследовал бы её до конца её дней?

Анриетта затравленно оглянулась вокруг, ища ответа у безмолвных каменных стен.

Она — в ловушке! Ей остаётся только смириться или…

О, нет! На это она никогда не решится. Ревностная католичка, она знает, что из всех грехов самый тяжкий — самоубийство. Многое могут простить Церковь и Бог грешному человечеству. Даже ведьмам, которые вступают в связь с Дьяволом, Святая Инквизиция прощает грехи, если те раскаются и отрекутся от Князя Тьмы. Даже на костёр возводя, Церковь продолжает молиться за грешников, чтобы, пусть хоть в последний миг, хоть посмертно, спасти заблудшую душу от скверны, чтоб вернулась она к Отцу своему Небесному. И только самоубийцам нет прощения! Ни один священник не отпустит грехи и не станет отпевать того, кто взялся за самого Господа Бога решать, когда окончить свои грешные дни на земле. Их не хоронят в освящённой земле. Их душам нет пристанища ни на этом свете, ни на том.

Нет! Анриетта ни за что не решилась бы наложить на себя руки, так велик был её страх перед гневом Божьим и неприкаянностью своей души, соверши она этот тягчайший из человечьих грехов.

Выходит, остаётся одно — смириться…

Анриетта даже удивилась тому, как спокойно прозвучал её приговор самой себе.

В любом случае, её-то вины в этом нет. Это было хоть слабое, но утешение — грех этот будет на совести её мужа. А она… Ну, что она может сделать? Она — всего лишь его собственность — вещь. А, стало быть, ни за что не отвечает и ни в чём перед Богом не виновата.

Да, но как же её честь?

А разве у неё осталась честь?

К тому же, ведь об этом всё равно никто не узнает. Он сам так сказал. Ведь это именно ему, больше, чем кому бы то ни было, следовало беспокоиться о своей чести. Ведь он всегда так о ней печётся! Это он должен остерегаться, чтобы тайна происхождения ребёнка, если тот, конечно, родится, не была раскрыта.

Вот только как вынести всё это? Сможет ли она это сделать?

Боже, как же противно!

Что ж, значит, придётся стерпеть! В конце концов, вряд ли это будет более омерзительно, чем с собственным мужем. Анриетта зябко передёрнула плечами, вспомнив прикосновения слюнявого рта, мусолящего её губы, дряблую бессильную плоть и злобную ярость, которая захлёстывала барона после очередного разочарования. Бр-р-р!!!

Будь, что будет! — молодая женщина окончательно отбросила сомнения. Она сделает то, что требует от неё мерзкий старик. И чем раньше она родит сына, тем скорей закончатся её муки. Барон получит желаемое — наследника, а она — дитя, которому сможет отдать свою нерастраченную нежность, свою любовь.

Анриетта поправила подушки и вытянулась под одеялом. Тело приятно разомлело в тепле.

Она больше не боялась. Она обрела желанную решимость, а с ней и долгожданный покой…

* * * * *

Наутро юная баронесса с гордо поднятой головой спустилась вниз к завтраку. Она была спокойна и исполнена достоинства. И только по припухшим векам и жёстко поджатым губам можно было догадаться о том, какую тяжёлую ночь она провела, и чего стоило ей принятое решение.

К счастью, в зале было недостаточно светло, чтобы это заметить. Да и кому было дело до подобных мелочей?!

* * * * *

…Время тянулось бесконечно. Однообразные дни, привычные скучные дела…

Между бароном и баронессой свинцовой тяжестью повисло напряжённое молчание. Барон больше не возвращался к мучившей его жену теме. Она же замкнулась в себе, ни о чём не спрашивала, ограничиваясь односложными ответами, когда муж к ней обращался.

Неотвратимо приближающаяся развязка превращала каждый день Анриетты в нескончаемую пытку. Не выдержав томительного ожидания, она впала в оцепенение. В ней будто оборвалась какая-то струна. Правда оставалась ещё робкая надежда, что всё это непотребство произойдёт нескоро: приближался адвент — предрождественский пост. В дни поста Церковь требовала от паствы жёсткого воздержания, в том числе, и от плотских утех…

Но в один из вечеров за ужином, отослав прислуживавшую за столом служанку, барон обратился к жене:

– Ну, как, мадам, Вы готовы исполнить свой долг?

Как ни готовила себя Анриетта к продолжению гнусного разговора, вопрос мужа прозвучал для неё, как пушечный выстрел. Она так и застыла, не донеся ложку ко рту, не отрывая глаз от тарелки.

– Ну? — переспросил барон, выжидающе уставившись на жену холодным немигающим взглядом.

Жирная от соуса нижняя губа недовольно оттопырилась. На дряблой шее пульсировала напряжённая жилка.

– Д-да, Ваша милость, — наконец, выдавила из себя Анриетта.

Она всё же сумела взять себя в руки. В ней вдруг заговорила дворянская кровь. Горделиво вздёрнув голову, юная баронесса с вызовом посмотрела прямо в глаза своему мучителю.

– Я исполню Ваше желание, — Анриетта сделала заметное ударение на слове «ваше».

Отчаянная решимость зажгла румянец на нежных щеках. Она с ненавистью и брезгливостью сверлила взглядом выцветшие глаза барона. В эту минуту Анриетта выглядела, как королева, вынужденная подписать капитуляцию, но не утратившая, при этом, своего царственного величия.

Такой барон видел жену впервые. Он не выдержал и отвёл взгляд.

Повисла неловкая пауза.

– Что ж, Вы приняли верное решение, душечка, — в тоне, каким супруг, наконец, обратился к ней, вкрадчиво звучали примирительные нотки.

Анриетта не ответила, всем своим видом выражая неприкрытое презрение.

– Раз так, мадам, не станем откладывать. Будьте готовы сегодня ночью.

Сердце Анриетты оборвалось. Где-то в глубине души, видимо, всё же теплилась надежда, что всё это не может происходить на самом деле, и в какой-то момент весь этот кошмар кончится.

Однако ЭТО всё же произойдёт. Сегодня ночью…

Несчастная изо всех сил старалась сохранять внешнее спокойствие.

– Могу я хотя бы поинтересоваться, кто… — голос её предательски дрогнул, — кто этот… этот человек?

– Нет! — отрезал барон.

Анриетта с недоумением уставилась на мужа:

«Как? Он что, даже не хочет сказать, кого я должна пустить в свою постель, от кого должна понести ребёнка?»

– Вам незачем знать это, мадам. Вы даже не увидите его лица, — улыбка старика была сардонической.

И без того большие глаза Анриетты расширились до предела.

– Но, как же…? — попыталась, было, возразить она, но барон оборвал её на полуслове.

– Вам незачем знать это, — раздражённо повторил он. — Чтобы не лезли в голову всякие глупости. Для Вас, как и для всех вокруг, отец ребёнка — я! Слышите? Я!!! И никто другой! Надеюсь, это Вам понятно?

Это было уже слишком!

Анриетта потрясённо молчала.

Хотя, не всё ли равно, кто это будет? Если её используют, как скотину, то и вести она себя должна соответственно. Корову, курицу ведь не спрашивают, хочет ли она попасть в те или иные руки! А так, пожалуй, даже лучше. Она — скотина. Скотина! А скотина не может совершить грех…

Барон бесстрастно наблюдал за внутренней борьбой, происходившей в душе молодой женщины, отражаясь на её живом лице. Увидев, что покорность судьбе вытесняет все другие чувства, он с нарочитым участием обратился к ней:

– В одном могу заверить Вас, мадам, что мой выбор не так уж плох. Я не стал бы подсовывать Вам ни кривого, ни косого. И, как-никак, в нём течёт благородная кровь. Так что, не стоит задаваться ненужными вопросами. Просто вообразите, что на его месте я, — барон гаденько хихикнул. — Только хочу предупредить, — в его голосе вновь зазвучали металлические нотки, — если Вы посмеете хоть единой душе проговориться, я предам вас суду, как прелюбодейку.

– Вы бы лучше беспокоились о том, чтобы не проболтался тот… тот человек, — огрызнулась Анриетта.

– Думаю, я сумею убедить его не болтать, мадам, будьте спокойны!

Но Анриетте было уже всё равно. Она налила себе полный кубок неразбавленного вина и залпом выпила, не замечая, что струйка красной, как кровь, жидкости ползёт по подбородку, стекая за воротник.

Анриетта готовила себя на заклание.

Глава 3. Жизнь вслепую

Анриетта сидела на краешке кровати. Зубы стиснуты до боли, тело бил озноб. Хотя в душе она почти смирилась с предстоящим ей испытанием, внутри всё сжималось в ожидании того, что должно было сейчас произойти. Она зябко куталась в меховую накидку, не ощущая даже, как жарко натоплена комната.

Наконец, за дверью послышались знакомые тяжёлые шаркающие шаги.

Сердце гулко заколотилось.

Тихонько скрипнула дверь. Но бедной Анриетте показалось, будто комната наполнилась пронзительным скрежетом. Самые привычные звуки сейчас оглушали её.

В комнату вошёл барон. Масляный светильник подрагивал в его руке. Морщины змеились по лицу, освещённому пляшущим огоньком лампы. Движения его были неловкими и какими-то суетливыми.

Анриетта ждала, не шелохнувшись, фиксируя все детали боковым зрением, отчего создавалось ощущение нереальности происходящего.

«Ему тоже не по себе…» — она почувствовала что-то вроде злорадства.

Правда, легче от этого не стало. И дрожь не унималась.

Барон затворил за собой дверь. Потоптавшись на пороге, он приблизился к высокой и широкой деревянной кровати, на краю которой съёжилась его молодая жена, и каким-то неестественно свистящим шёпотом прошипел:

– Ну, как, вы готовы, мадам?

Анриетта молча кивнула, с усилием сглотнув комок, образовавшийся в горле.

– В таком случае, выпейте это, мадам.

Барон протянул ей довольно увесистый флакон.

– Что это, Ваша милость?

– Измельчённые высушенные тестикулы зайца, разведённые в молоке, — лучшее снадобье, чтобы Вы понесли мальчика.

– О, Господи, я не смогу это выпить, Ваша милость!

– Сможете! Моя первая супруга принимала это, после того, как произвела на свет двух дочерей. И родила мне наследников. Так что, пейте. Да поживей!

Анриетта взяла флакон, с отвращением принюхалась. Но ничего, кроме запаха кипячёного молока не почуяла.

Зажмурившись (как будто это могло изменить содержимое флакона) она выдохнула и залпом проглотила густую жидкость.

– Что ж… что ж… чудненько… — бормотал барон, внимательно следя, чтобы всё снадобье было выпито.

Барон показал жене длинный кусок полотна:

– Теперь раздевайтесь. И хорошенько завяжите глаза. И чтоб никаких глупостей! — с угрозой прошипел он. — Я буду рядом.

Анриетта снова почувствовала, как нарастает в ней волна негодования.

«Прекрасно! Значит, всё будет происходить в его присутствии? Впрочем, не всё ли равно?!»

Стиснув зубы, она обошла стоящего, как монумент, мужа и начала молча раздеваться. Сняла меховую накидку, сбросила сюрко — верхнее шерстяное домашнее платье-безрукавку, упавшее к её ногам. Теперь, когда на ней оставалась только котта — нижнее платье, Анриетта заколебалась. Лишиться сейчас тёплого сукна было для неё всё равно, что расстаться с собственной кожей. Она распустила боковую шнуровку, чтобы платье стало посвободней, но снимать не стала.

Стараясь сохранять видимость спокойствия, она подчёркнуто неторопливо собрала снятую одежду и тщательно сложила её на сундуке, стоявшем у стены. Затем снова присела на краешек кровати. Мгновение поколебавшись, она приподняла подол и принялась медленно разматывать обмотки, крест-накрест обвивавшие ноги от ступней и выше колен, заменяя чулки.

Напоследок Анриетта подняла на мужа вопрошающий взгляд: может, он всё же остановит её? Но глаза его были непроницаемы. Неотрывно наблюдая за всеми этими манипуляциями, барон ни разу не пошевелился, не проронил ни звука. Что творилось за этим изборождённым морщинами лбом, в этом зачерствевшем сердце?

Анриетта отвернулась, вынула гребень и деревянные шпильки, поддерживавшие волосы. Длинные волнистые пряди рассыпались по плечам. Всё так же неспешно она заплела волосы в тугую косу и застыла в ожидании, устремив неподвижный взгляд в пол.

Увидев, что жена безропотно ждёт, барон хотел, было, что-то сказать, но, видимо, передумал. На одно короткое мгновение могло показаться, что на лице старика промелькнула тень сомнения. Но… даже, если так, то ему удалось быстро справиться с непрошеной слабостью.

Нетерпеливым жестом барон протянул жене повязку. Повинуясь молчаливому приказу, Анриетта демонстративно тщательно завязала глаза. Руки её при этом предательски дрожали.

Наконец, завершив все приготовления, она замерла, вытянувшись в струнку, сидя на краю постели.

Она слышала, как муж резко задул фитиль масляной лампы, затем крикнул в сторону двери:

– Эй, ты там, заходи, чёрт бы тебя побрал!

Теперь комнату освещали только пляшущие блики от пламени очага. Но это не имело значения: всё равно она была совершенно слепа. Однако, слепота, а ещё волнение и невыносимое ожидание обострили все её чувства. Слух улавливал даже лёгкое потрескивание горящих поленьев, настолько привычное, что в повседневной жизни она его попросту не замечала.

Снова заскрипела дверь, пропуская в комнату ещё одного участника этого дьявольского фарса. Анриетта напряжённо вслушивалась в незнакомые шаги, надеясь получить разгадку мучительной неизвестности.

Шаги были тяжёлые и какие-то неровные, спотыкающиеся, будто у пьяного. Возможно, у вошедшего тоже были завязаны глаза…

Анриетта напряглась ещё больше, так, что заныли стиснутые зубы.

Она слышала, как что-то упало на пол — наверное, куртка или что-то из одежды. Кто-то неуклюже присел на кровать так близко от неё, что чувствовалось даже тепло, исходящее от чужого тела. Юная баронесса непроизвольно отвернулась и чуть отодвинулась. Пальцы судорожно вцепились в густой мех одеяла.

Несколько секунд в комнате висела гнетущая тишина.

Когда чужая рука легла ей на колено, Анриетта вздрогнула от неожиданности и так резко отшатнулась, что едва не свалилась с высокой кровати. Её охватила паника. Вплоть до этого самого мгновения, вопреки очевидному, она, похоже, надеялась, что свершится какое-нибудь чудо, которое помешает осуществлению абсурдной затеи, порождённой нездоровой фантазией выжившего из ума старика. Только с прикосновением чужой руки, словно заявившей на неё свои права, Анриетта, наконец, осознала, нутром ощутила отвратительную реальность того, что с ней сейчас будут делать. Её рука непроизвольно дёрнулась, чтобы сорвать повязку. Но не успела — запястье грубо сдавила всё ещё крепкая ладонь мужа.

– Но-но! — в его голосе звучала неприкрытая угроза.

Чуда не случилось. Она вынуждена исполнить волю своего господина. Она обещала…

– Ну, давайте же! Чего вы тянете? — в отчаянии воскликнула Анриетта, обращаясь, то ли к мужу, то ли к его сообщнику, сидевшему рядом. Она больше не могла выносить это тягостное ожидание.

– Ну, ты, поганец! Пош-ш-шевеливайся! — тут же отозвался барон.

Чужая рука снова легла на колено, двинулась выше по бедру.

«Будь, что будет! Я больше не шелохнусь. Ни за что!» — руки сами судорожно сжались в кулаки.

Мгновение мужская ладонь оставалась неподвижной, словно её хозяин набирался решимости. Наконец, решившись, он обеими руками схватил свою госпожу за плечи и опрокинул на постель.

Ноздри уловили запах мужского пота.

Анриетта брезгливо отвернулась.

Его руки были сильными и горячими, это чувствовалось даже через ткань платья. В то же время, их прикосновение было не таким уж и грубым — скорее, человек просто послушно следовал приказу сеньора.

Зубы молодой женщины выбивали дробь.

Осмелевшие руки неловко ткнулись ей в живот, тронули в одном, другом месте, видимо, чтобы понять, что на ней надето.

Теперь уже не осталось сомнений: у него действительно завязаны глаза.

Как ни странно, эта догадка принесла Анриетте некоторое облегчение — хотя бы глазеть на неё не будет…

Раз уж этого всё равно не избежать, нужно, чтобы этот нелепый кошмар поскорее закончился.

Анриетта схватила незнакомца за руку и нетерпеливо подтолкнула её вниз. Мужчина словно только и ждал разрешения. Подол платья пополз вверх. Вместе с тканью поползла вверх дрожь.

Ещё немного, и задранное платье оголит низ живота.

Как бы Анриетта ни хорохорилась, всё равно оказалась к этому не готова. Она напряглась до предела. Казалось, ещё немного, и жилы порвутся от перенатяжения.

«Так, успокойся! Не думать об этом! Скоро, скоро всё кончится…»

Чтобы хоть как-то отвлечься от унизительных ощущений, Анриетта прислушалась: что там барон?

Она слышала его хрипловатое дыхание. Буквально физически ощутила устремлённый на них взгляд.

«Ну, раз Вы, Ваша милость, решили дать мною попользоваться, как скотиной, что ж, глядите! Вы сами этого хотели! Глядите же! Ну, и как Вам нравится то, что Вы видите?!»

Анриетта почувствовала злорадное удовлетворение, как будто то, что сейчас переживал её благоверный, было важнее того, что происходило с ней самой.

Злорадство придало ей силы. Она повернулась к незнакомцу. Терпкий мужской запах сразу стал резче. Крепкие руки тут же сграбастали её, тяжёлое тело навалилось сверху, вдавив в постель.

Анриетту вновь охватила паника. Инстинктивно упёршись обеими руками ему в грудь, она попыталась оттолкнуть насильника, но встретила мощное сопротивление.

Отпор женщины, уже очутившейся в его руках, похоже, лишь подстегнул незнакомца. Неловкость и нерешительность первых минут уступили место нарастающему возбуждению. Он резко рванул вверх подол платья. Шершавые ладони впились в обнажённые бёдра, причинив боль.

Молодая женщина содрогнулась и рефлекторно стиснула ноги.

Но сознание того, что на неё устремлён взгляд барона, придало ей сил.

«Вы сами хотели этого, сами!» — это была решимость отчаяния.

Страх и волнение куда-то исчезли. Собрав волю в кулак, она прекратила сопротивляться.

«По крайней мере, этот — не такой охлявший, как мой муженёк!» — ни с того, ни с сего подумалось ей.

Почувствовав, что она расслабилась, руки, сжимавшие её бёдра, тоже ослабили хватку.

«Небось, этот мужлан вне себя от радости, что его удостоили такой неслыханной чести! Представляю, как его будет распирать желание похвастать, как он тискал собственную хозяйку! Господи, скорей бы уже!»

Словно услышав её мысли, мужчина принялся развязывать верёвку, поддерживающую штаны. Когда он возился, приспуская их, его голова прижалась к лицу молодой женщины. Анриетта почувствовала прикосновение чего-то грубого, шероховатого.

Это ещё что такое? Любопытство пересилило отвращение — не удержавшись, она потрогала нечто, покрывавшее голову незнакомца. Это был мешок из грубой дерюги, полностью скрывавший и лицо, и волосы. Мешок был затянут вокруг шеи.

«Да-а, мой предусмотрительный муженёк позаботился обо всем!» — с горькой иронией усмехнулась Анриетта.

– Эй-эй, ну-ка, прочь руки! — прикрикнул на неё цербер, от цепкого взора которого не укрылось движение жены.

Барон действительно предусмотрел всё! Она не только не могла видеть навязанного ей любовника, но даже ощупью не смогла бы узнать его.

Одёргивая руку, она задела то место, где под мешковиной угадывалась нижняя часть лица незнакомца. Оказалось, в районе рта и носа было небольшое отверстие — видимо, чтобы его носитель мог дышать. Ладонь даже скользнула по его губам.

От её прикосновения мужчина неожиданно вздрогнул, пальцы снова впились в её бёдра. Анриетте показалась странной такая реакция на невинное, вроде бы, прикосновение. А вот боль, которую он ей при этом причинил, она восприняла как-то совершенно отстранённо.

Она вообще с каждой минутой чувствовала себя всё более отстранённой от собственного тела и предпочла бы больше не терзаться сомнениями и не думать ни о чём. Ей хотелось одного: чтобы всё, наконец, осталось позади. Однако рассудок с навязчивой остротой и, в то же время, как бы со стороны фиксировал не только каждое движение мужчины, но и её собственные ощущения.

Дыхание мужчины становилось более тяжёлым. Внезапно он раздвинул коленом её стиснутые ноги и навалился на неё всей своей тяжестью.

Анриетта судорожно вдохнула и изо всех сил зажмурила глаза, будто они у неё и так не были завязаны.

Тело замерло в ожидании…

– Прочь! Ступай прочь! — раздалось вдруг прямо над головой рычание барона.

Невидимая сила сорвала с неё тяжёлое тело.

– Вон! Убирайся вон, скотина! Вон!

Анриетта слышала неуклюжую возню незнакомца, торопливо пытавшегося справиться с одеждой.

– Да пошевеливайся же ты, ублюдок чёртов!

Молодая женщина приподнялась, опираясь на локоть, и уже собиралась, было, снять повязку, но костлявая рука сжала её запястье, пригвоздив к постели.

– Лежите смирно, мадам, — прохрипел барон. — А ты, мразь, убирайся отсюда прочь! Да поживей!

Послышались торопливые спотыкающиеся шаги. Заскрипела дверь.

В тот же миг узловатые пальцы жадно и нетерпеливо завладели телом Анриетты. Лицо обдало смрадным дыханием.

Однако и на этот раз усилия жалкой дряблой плоти оказались тщетными. Распалённый представшим перед глазами зрелищем, которое он сам и устроил, её супруг теперь бессильно

барахтался на её безучастном теле. Возбуждение, ненадолго охватившее его, испарилось бесследно, не оставив ни малейшей надежды на то, что ему удастся-таки довести дело до конца.

В бешенстве барон наотмашь ударил жену.

Как всё до боли знакомо!

Молодая женщина сжалась, не смея шевельнуться. Муж, чертыхаясь, брызгая слюной, яростно хлестал её по лицу, по груди — куда придётся. Она же, с покорностью забитого животного, затаив дыхание, терпела, ожидая, пока он выплеснет свою злость и, наконец, успокоится.

Изрыгнув напоследок в лицо жене грязное оскорбление, барон нетвёрдой походкой бросился к двери.

Истерзанная и совершенно обессиленная, Анриетта стянула с головы повязку и с трудом перевернулась на живот. Зарывшись избитым лицом в мягкий тёплый мех, она разрыдалась…

* * * * *

К завтраку молодая баронесса не вышла.

Как ни странно, никто её не беспокоил, не пытался будить. Когда же она, наконец, спустилась вниз, было уже далеко за полдень.

Супруги встретились холодно и сдержанно, избегали смотреть друг на друга. Никто из них ни словом не обмолвился о том, что произошло ночью.

Служанки, сталкиваясь с хозяйкой, отводили глаза, делая вид, что не замечают следы побоев на её лице. За обедом Анриетта несколько раз ловила сочувствующий взгляд девушки, прислуживавшей за столом. Но её это не слишком волновало — она ведь не в первый раз ходила с синяками. Правда, так сильно муж её ещё не истязал.

Превозмогая боль, молодая женщина заставила себя проглотить несколько кусочков жаркого. Разбитые губы распухли, малейшее движение отзывалось болью во всём теле. Но меньше всего ей хотелось сейчас привлекать к себе внимание барона.

В тягостном молчании обед подошёл к концу. Супруги поднялись из-за стола, и Анриетта уже собиралась покинуть зал, когда резкий голос барона остановил её:

– Вечером будьте готовы, мадам!

Молодая женщина обернулась, с тоской взглянув на своего мучителя.

– Может, не стоит? — взмолилась она. — Заклинаю Вас всеми святыми! Видит Бог, Ваша милость, это — плохая затея!

– Вашего мнения не спрашивают! — рявкнул барон в ответ и небрежно махнул рукой, выпроваживая её.

В этот день Анриетта больше не выходила из своей комнаты, даже на ужин.

Сгущались сумерки. С приближением ночи нарастало и её волнение. Она не была уверена, что сможет вторично пройти через то же самое.

Молодая женщина опустилась на колени возле кровати, чтобы помолиться. Она отмаливала и свой грядущий грех, и ненависть к мучителю, и просила о ребёнке, появление которого положило бы конец её мучениям и унижению.

В таком состоянии и застал её старый барон — коленопреклонённой, глубоко погружённой в молитву.

Приход мужа вернул Анриетту из молитвенной отрешённости на грешную землю. Но молитва вдохнула в неё силы, и она почти спокойно встретила вошедшего.

Молодая женщина не без отвращения проглотила новую порцию чудодейственного снадобья. Быстро, насколько позволяло ноющее от побоев тело, разделась. На этот раз она не колебалась (какой смысл церемониться, если её насильник всё равно ничего не видит?) и спокойно освободилась от котты. Она предусмотрительно позаботилась, чтобы в комнате было жарко натоплено.

Оставшись в шемизе — длинной нижней льняной рубашке без рукавов, она подчёркнуто тщательно завязала глаза и легла в постель.

А дальше всё повторилось в точности, как накануне: скрип двери, те же неуверенные шаги слепца, шорох снимаемой одежды и потрескивание поленьев в очаге. Только сегодня человек, которого привёл её муж, вёл себя куда смелей. Видимо, вчерашняя неудача, а, может, и выволочка от хозяина подстегнули его решимость.

В его действиях не было ни малейшего намёка на нежность или грубость, ни наглой бесцеремонности, ни омерзительной похотливости, к которым она давно привыкла, — только требовательность и нетерпение распалённого жеребца, стремящегося поскорей получить предложенное ему женское тело.

Не теряя времени, одним ловким движением он перевернул хозяйку ничком, поставив на четвереньки, рывком задрал подол рубашки.

Вынужденная безропотно повиноваться, Анриетта молча подчинилась мужской силе. Только, когда он быстро и резко вошёл в неё, она не удержалась и вскрикнула от боли.

Даже в первые дни их с бароном брака, когда свежий пыл ещё придавал его усилиям какое-то подобие былой удали, Анриетта так толком и не узнала, что же это такое — мужская сила. После двух лет замужества она имела о ней почти такое же представление, как и накануне брачной ночи.

– Боже, да что же это такое?! — она непроизвольно напряглась, но от этого стало только больней.

Анриетта взмолилась про себя, чтобы это возмутительное насилие поскорей закончилось. Сосредоточенная на своих неприятных ощущениях, она даже забыла о присутствии мужа. Её и без того измученное тело сотрясалось под мощным напором самца, а она в это время с тоской спрашивала себя, почему должна терпеть эти чудовищно наглые проникновения? Она уже не знала, что хуже — отвратительное трепыхание старческой плоти или эта грубая, терзающая её изнутри животная сила?!

Внезапно руки, опиравшиеся на её поясницу, стиснули её так, будто их судорогой свело. Насильник содрогнулся всем телом, тяжело и хрипло дыша, потом ещё раз, и ещё. И, наконец, замер.

Молодая женщина не шевелилась, выжидая, пока не осознала, что её больше не удерживают. Тогда она опустилась на постель и свернулась калачиком. Только машинально одёрнула подол рубашки.

– Ступай вон! Живо! — голос барона доносился глухо, будто сквозь одеяло.

Шорох одежды… Неровные шаги… Скрип двери…

Анриетта оставалась недвижимой. Ну, вот и всё! Её использовали, как яловую корову. Теперь надо молиться, чтобы она понесла, и, чтобы это был мальчик.

– Завтра повторим, мадам…

Анриетта не поверила своим ушам. Резко приподнявшись, она сорвала с глаз повязку и с негодованием уставилась на мужа: что ему ещё от неё нужно?

– Надо сделать это несколько раз, чтобы наверняка.

Молодая женщина отчаянно затрясла головой. От резких движений буйные волосы рассыпались по плечам. Она готова была закричать от отчаяния.

Над нею зловещей чёрной тенью нависал силуэт её мучителя. В полумраке она не могла разглядеть выражение лица барона — он стоял спиной к огню. Но она буквально нутром почуяла фанатичную решимость добиться своего любой ценой, которую излучали холодные, немигающие, как у рептилии, глаза.

Сопротивляться бесполезно!

Анриетта ощущала гулкую пустоту в каждой клеточке своего осквернённого тела. Она натянула на себя одеяло, укрывшись с головой, чтобы хоть как-то отгородиться от безжалостной реальности.

«Господь, почему ты отвернулся от меня?»

* * * * *

Снова, как когда-то, молодая женщина с ужасом ожидала наступления ночи. Всё повторялось, как в кошмарном сне: её использовали с примитивным скотским безразличием, в присутствии собственного мужа, а потом оставляли, униженную и измученную, наедине с чувством безграничного отвращения к самой себе.

Бедняжке казалось, что всем слугам известно о её позоре. Она была уверена: домочадцы смотрят на неё как-то иначе, не так, как раньше. В их взглядах она читала насмешку, а, может, и осуждение.

«Ещё бы, — горько усмехалась юная баронесса, — разве бывает что-либо более приятное для слуг, чем унижение их хозяев?» Стоит ей только поднять глаза, и она непременно встретит чей-нибудь язвительный взгляд и умрёт от стыда.

Однако, спустя несколько дней после шока первой унизительной ночи все её чувства, как будто, притупились. С безучастием и покорностью животного она подставляла себя под безликого безымянного жеребца, которого на поводу приводили к ней.

«По крайней мере, этот хотя бы не лапает так противно!» — с бесстрастием стороннего наблюдателя констатировала молодая женщина.

Даже к боли, которую он ей причинял, она притерпелась. Тем более что длилось это не так уж долго. Во всяком случае, это было не хуже, чем то, что она вынуждена была терпеть, когда барон часами изводил её, компенсируя щипками, оплеухами и грубыми бесстыдными прикосновениями собственное бессилие.

Перестало волновать даже то, что о ней думают слуги, если вообще кому-нибудь из них известно о её унижении…

Последняя неделя перед Рождеством принесла Анриетте временную передышку, так как это была неделя особо строгого поста. Даже циник-барон не осмелился нарушить правила. А, может, он посчитал, что всё уже получилось, и теперь остаётся только ждать результата…

Пора было готовиться к празднику — до Рождества оставались считанные дни.

Никогда ещё праздники не казались молодой баронессе такими безрадостными, а предпраздничные хлопоты — столь обременительными. Как никогда, ждала она поездки в город. Но не торжественная месса и даже не традиционные рождественские увеселения в этот раз привлекали Анриетту. Она хотела одного — исповедаться!

Церковь считала исповедь накануне Рождества и Нового Года обязательной для каждого христианина, если не самой важной. Это была возможность покаяться и очиститься, получив отпущение грехов за весь истекший год. А кто, как не Анриетта, так нуждался сейчас в очищении и утешении?

От странствующего торговца, забредшего к ним в поместье, она узнала, что в канун Нового Года папа Римский Бонифаций IX разослал по всем городам своих легатов — посланников с «*юбилейными привилегиями*» — индульгенциями во искупление всех возможных грехов. И, подумать только(!), даже грехов будущих, ещё не совершённых! Ведь наступающий год был особенным — Святой Год, первый год нового столетия. Только в такие Юбилейные Годы, которые не каждому выпадало счастье пережить, можно было получить полное отпущение всех грехов и избавление от наказания.

К тому же, уходящий год завершал столетие, о котором Церковь неустанно твердила, как о последнем веке тысячелетнего Царства Христова. Люди готовы были отдать самое ценное, чтобы обрести спасение накануне Конца Света. Тем более, что сам папа Римский так щедро делился своей благодатью, дав возможность купить грамоту об отпущении ещё не совершённых грехов — наперёд!

Анриетта горячо желала искупить свой грех, пусть и не по своей воле совершённый. Она не надеялась получить от мужа денег на покупку индульгенции. Но в городе у неё была, по крайней мере, возможность исповедаться перед священником, так как, сколько бедняжка не

убеждала себя, что всего лишь повинуется чужой воле, она всё равно считала, что согрешила, и это не давало ей покоя.

К несчастью, проливные дожди, буквально затопившие их округу, размыли дороги, так что в ближайшие дни добраться до Арраса не представлялось возможности. Усадьба оказалась в водяном плену.

Замурованные в каменных стенах люди, подгоняемые неутомимой молодой хозяйкой, усердно убирали дом: чистили, скоблили, вымывали. Сумрачные комнаты, украшенные можжевеловыми и еловыми ветками, преобразились. В большом зале развесили гирлянды из сухих трав, связки лука и сушёного перца, заново до блеска отполировали посуду.

По мере того, как преображался дом, отупляющее безразличие последних дней понемногу отпускало Анриетту. Хлопоты, связанные с подготовкой к празднику, вносили разнообразие в её жизнь, давали возможность забыть на время о том, что ей пришлось пережить. Молодая женщина гнала от себя мысли о том, что её ждёт, если окажется, что затея мужа не удалась. Мысль о том, что её мучения могут вскоре возобновиться, была для неё невыносимой. Сознательно изнуряя себя работой, она уходила спать вконец обессиленной, но умиротворённой, потому что никто не нарушал её покой.

А, если учесть, что с каждым днём её надежда на то, что затея барона принесла всё же свои плоды, крепла, она чувствовала себя почти счастливой!

Единственное, что всерьёз досаждало в эти хлопотные дни — то, что ей постоянно приходилось сталкиваться с кем-нибудь из множества мужчин, обитавших в усадьбе. При этом Анриетте никак не удавалось справиться с чувством отчаянной неловкости. Как ни старалась молодая хозяйка казаться невозмутимой, стоило рядом с ней появиться кому-то из них, щёки её вспыхивали, ноги наливались свинцом, а сердце подступало куда-то к горлу. Несчастная спешила пройти мимо, не поднимая глаз, в полной уверенности, что чувствует взгляд, направленный ей в спину.

В глубине души Анриетта понимала, что это, скорее всего, — не более чем плод её воображения. Тем не менее, поднять глаза на мужчину было выше её сил, ведь любой из них мог оказаться… тем самым…

* * * * *

До Рождества оставался один день. К празднику всё было готово. Дом сиял чистотой и благоухал хвоей.

Раньше обычного управившись с делами, Анриетта вернулась в зал, чтобы заняться, наконец, вышиванием, до которого у неё в последнее время руки не доходили. Ей оставалось совсем немного до завершения работы. Ещё несколько вечеров — и покрывало для Девы Марии будет готово.

Барон, обложившись подушками в своём кресле, которое он придвинул к самому очагу, дремал после скудного постного ужина.

Эльза тоже была здесь. Сидя за столом, по обыкновению, в струнку выпрямив спину, она с сосредоточенным видом скручивала фитили для ламп.

Из кухни доносился шум: кухарка со своей помощницей заканчивали возиться с грязной посудой.

Анриетта расположилась на своём обычном месте — на медвежьей шкуре возле очага.

За окном который уже день лил дождь. Даже бодрое потрескивание дров не могло заглушить барабанной дроби водяных струй, которые ветер швырял в окна с таким остервенением, словно во что бы то ни стало вознамерился прорвать преграду в виде деревянных ставень. Но здесь, возле очага, было уютно и спокойно.

Пальцы ловко орудовали иголкой. Стежок за стежком аккуратно укладывались в завитки узора.

Внезапно сам собой возник вопрос: «Кто же, всё-таки? Кто из них?..»

Коварный вопрос застал её врасплох. Анриетта невольно воровато оглянулась, как будто кто-то мог услышать «преступные» мысли. Но тут же спохватилась: это глупо — до неё никому нет дела!

Неужели она, наивная, всерьёз полагала, что можно вот так себе жить, избегая этого неизбежного вопроса?!

Молодая женщина перевела дух и вновь сосредоточилась на работе. Только дрожащие пальцы, которым никак не удавалось попасть иголкой в нужное место, выдавали её волнение.

* * * * *

Светлый праздник Рождества Христова начинался в полночь.

Дождь, наконец, выдохся, успев превратить двор в подобие грязного бурого озерца. Прояснившееся небо заискрилось крупными кристаллами звёзд, среди которых где-то светила и та, что зажглась в Святую ночь, оповестив своим появлением мир о приходе Спасителя.

Лишённые из-за непогоды возможности посетить праздничную мессу в храме, барон и баронесса сначала в полночь, а потом на рассвете помолились у переносного алтаря в небольшой комнатке, смежной с залом, оборудованной под домашнюю часовню.

Трижды следовало возносить в этот День молитвы во славу младенца Иисуса: в полночь — за его рождение в лоне Отца Небесного; на заре — во чреве Богоматери; и днём — в душе верующего.

В полдень алтарь перенесли в главный зал. В ярко освещённом смоляными факелами нарядно убранном помещении собралось несколько десятков человек — домочадцы и слуги. Барон, величавый и важный, с торжественным видом возглавил общую молитву. Нестройный хор голосов затянул гимн «Глория»:

– «*Слава в небесах Богу, а на земле — мир людям доброй воли…*»

После молитвы господа, восседая в креслах, одаривали слуг.

Возбуждённые праздником, в лучших своих одеждах, домашняя прислуга и дворовые люди, нечасто допускавшиеся в господский дом, толпились в ожидании своей очереди. Один за другим они подходили к хозяевам, низко кланялись, желая здоровья и радости во славу родившегося Святого Младенца. Получив из рук хозяйки монетку, люди благодарили барона и баронессу и, ещё раз поклонившись, отходили в сторонку, уступая место следующему.

Глядя на молодую баронессу, одинаково приветливо встречавшую каждого, кто подходил к её креслу, никто бы не подумал, что для неё вся эта церемония — сплошная мука. Изо всех сил Анриетта старалась выглядеть безмятежной: кивала в ответ на приветствия, улыбалась, протягивая людям деньги, которые доставала из кованого ларца, стоявшего у неё на коленях, благословляла детей, следом за взрослыми подходивших поздравить сеньоров. Но сердце её замирало каждый раз, как только приближался очередной мужчина. Она невольно опускала глаза, хотя со стороны всё выглядело так, будто хозяйка просто низко склоняет голову в приветствии.

Мысль о том, что, стоит ей только встретиться взглядом с подошедшим, как она непременно прочтёт в его глазах торжество и нескрываемое презрение, отравляла ей весь праздник.

В то же самое время, Анриетта безотчётно вслушивалась в приближающиеся шаги, тщетно пытаясь узнать неровную походку ночного визитёра…

Ещё до наступления сумерек, которые в эти последние декабрьские дни спускались на землю совсем рано, барон с баронессой приступили к трапезе. Праздничный стол поражал воистину королевским разнообразием блюд, манивших одуряющими ароматами, особенно соблазнительными после многодневного поста.

Ко всеобщему удовольствию пост окончился, и кухарка Полетта превзошла себя, готовя для господ ужин: несколько сортов сыра, паштет, окорок и непременный дымящийся пирог с зажаренной хрустящей корочкой и запечёнными в нём каплунами. И ко всему этому великолепию — её фирменные соусы. Ну, а на десерт — воздушное суфле из засахаренного ревеня. В

двух серебряных кувшинах (немногом, что осталось от былой роскоши) — выдержанное вино из собственного виноградника.

К праздничному застолью за господский стол были милостиво допущены экономка Эльза и доверенное лицо барона Жером, выполнявший роль управляющего и сборщика податей с крестьянских хозяйств.

В зале присутствовало ещё одно действующее лицо. Это был странствующий торговец, который со своей повозкой, гружённой всякой всячиной, забрёл к ним в поместье накануне Рождества, да так и остался в ожидании, пока не подсохнут дороги и представится возможность продолжить путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.